

Джорджетт Хейер
Великолепная Софи

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
1950

УДК 821.111
ББК 84.4ВЕЛ

Хейер Д.

Великолепная Софи / Д. Хейер — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 1950

Леди Омберсли согласилась присмотреть за своей племянницей, пока ее отец находится в командировке. Красивая, веселая, импульсивная и прямолинейная Софи привыкла к самостоятельной жизни и знает, как уладить любые проблемы. Но сможет ли она справиться с сюрпризом, который подготовил ее дядя? Ведь он намеревается избавиться от непокорной племянницы, выдав ее замуж...

УДК 821.111
ББК 84.4ВЕЛ

© Хейер Д., 1950
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 1950

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	26
Глава 4	38
Глава 5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Джорджетт Хейер

Великолепная Софи

© Georgette Heyer, 1950

© Jon Paul, обложка, 2013

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2013

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление,
2013

Переведено по изданию:

Heyer G. The Grand Sophy: A Novel / Georgette Heyer. – London: Arrow Books, 2004. –
336 p.

* * *

Глава 1

Дворецкий, с первого взгляда узнав в госте единственного брата ее светлости, о чем впоследствии уведомил своих далеко не столь проникательных подчиненных, приветствовал сэра Горация низким поклоном и взял на себя смелость сообщить ему, что миледи, которой для всех прочих визитеров, не связанных с ней столь тесными родственными узами, нет дома, будет счастлива его принять. Сэр Гораций, на которого подобное снисхождение не произвело особого впечатления, передал свое пальто с пелериной одному лакею, шляпу и трость – другому, небрежно швырнул перчатки на столик с мраморной крышкой и заявил, что нисколько в этом не сомневается, после чего поинтересовался у Дассета, как он поживает. Дворецкий, разрываясь между благодарностью гостю за то, что тот запомнил его имя, и неодобрением его крайне непринужденных манер, ответил, что поживает он настолько хорошо, насколько это вообще возможно, и добавил, что счастлив видеть самого сэра Горация ничуть не постаревшим с тех пор, как имел удовольствие докладывать ее светлости о приходе брата в прошлый раз. После чего дворецкий величественно направился вверх по роскошной лестнице в Голубую гостиную, где леди Омберсли в сбившемся набок капоре мирно почивала на софе у камина, укрыв ноги шотландской шалью с набивным рисунком. Мистер Дассет, мгновенно оценив эту картину, откашлялся и хорошо поставленным звучным голосом провозгласил:

– Сэр Гораций Стэнтон-Лейси, миледи!

Леди Омберсли вздрогнула и проснулась, растерянно моргая. Безуспешно попытавшись поправить капор, она ошеломленно вскрикнула:

– Гораций!

– Привет, Лиззи, как поживаешь? – приближаясь к ней, произнес сэр Гораций и энергично потрепал сестру по плечу.

– Боже, как ты меня напугал! – воскликнула миледи, откупоривая флакон с нюхательной солью, который всегда держала под рукой.

Дворецкий, снисходительно наблюдавший за бурными родственными восторгами, осторожно прикрыл за собой дверь. Оставив встретившихся после долгой разлуки брата и сестру наедине, он отправился сообщить своим подчиненным, что сэр Гораций – истинный джентльмен, хотя и проводит большую часть времени за границей, где выполняет различные правительственные поручения дипломатического характера, чересчур деликатные для их понимания.

В это время дипломат сушил у камина фалды своего сюртука, угощаясь понюшкой табаку, при этом заметив сестре, что она прибавила в весе.

– Мы с тобой не становимся моложе, – любезно подсластил он пилюлю. – Хотя ты заметно постарела за то время, что мы не виделись, – пять лет, если мне не изменяет память (в чем я совершенно уверен).

На стене напротив камина висело позолоченное зеркало, и во время разговора сэр Гораций не преминул взглянуть в него, преисполнившись если не самодовольного тщеславия, то критического одобрения. Время было снисходительно к нему, и он действительно весьма неплохо выглядел для своих сорока пяти лет. Если он даже и раздался в талии, то совсем немного, и эту легкую полноту вполне скрадывал рост, значительно превышавший шесть футов. Он являл собой зрелого мужчину в расцвете сил и обладал, помимо красивого телосложения, еще и приятной внешностью, которую выгодно подчеркивали темные кудри, до сих пор не тронутые сединой. Одевался он с неизменной элегантностью, но, будучи человеком здравомыслящим, старательно избегал экстравагантных крайностей, способных обнаружить некоторые недостатки его фигуры.

– Взгляните на беднягу Принни!¹ – говорил он своим не столь разборчивым приятелям. – Он должен послужить уроком всем нам!

Его сестра ничуть не обиделась на бестактное замечание. Двадцать семь лет супружеской жизни не прошли для нее бесследно, и восемь свидетельств ее любви, с осознанием долга предъявленных беспутному и неблагодарному супругу, давно уничтожили остатки былой красоты. Здоровье у нее было неважным, характер – покладистым, и она любила повторять, что женщина, став бабушкой, должна забыть о своей внешности.

– Как поживает Омберсли? – скорее из вежливости, чем из подлинного интереса осведомился сэр Гораций.

– Временами его беспокоит подагра, но, учитывая все остальное, он чувствует себя просто превосходно, – ответила она.

Сэр Гораций воспринял обычную фигуру речи в буквальном смысле и, кивнув, заметил:

– Он всегда слишком много пил. Однако сейчас ему уже под шестьдесят, и полагаю, от прочих неприятностей ты избавлена, не так ли?

– Да-да! – поспешно согласилась сестра.

Неверность и многочисленные интрижки лорда Омберсли, хотя и были оскорбительными, когда совершались на публике (что случалось нередко), никогда не доставляли ей особого беспокойства, но она не имела ни малейшего желания обсуждать их со своим острым на язык родственником и потому поспешно сменила тему, поинтересовавшись у него, откуда он прибыл.

– Из Лиссабона, – ответил сэр Гораций, угостившись очередной щепоткой табаку.

Леди Омберсли была несколько удивлена. Минуло уже два года после окончания затяжной Пиренейской войны², и ей казалось, что последнюю весточку от сэра Горация она получила из Вены, где ее брат, вне всяких сомнений, играл некую таинственную роль в работе Конгресса, заседания которого были столь бесцеремонно нарушены бегством этого монстра с Эльбы³.

– Вот как! – растерянно произнесла она. – Разумеется, у тебя же там дом! Как я могла забыть! А как поживает дорогая София?

– Если уж на то пошло, – заявил сэр Гораций, закрывая табакерку и кладя ее обратно в карман, – то я приехал к тебе именно для того, чтобы поговорить насчет Софи.

Вот уже пятнадцать лет сэр Гораций оставался вдовцом, и за это время он ни разу не обращался к сестре за помощью или советом в воспитании дочери, поэтому сейчас ее вдруг охватили дурные предчувствия. Миледи сказала:

– Да, Гораций? Бедная малютка! В последний раз я видела ее четыре года назад. Сколько ей сейчас? Полагаю, она уже в том возрасте, когда пора выходить в свет?

– В свет она вышла давным-давно, – с раздражением отозвался брат. – Но все без толку. Сейчас ей уже двадцать.

– Двадцать! – воскликнула леди Омберсли. Затем, произведя в уме несложные подсчеты, она согласилась: – Да, похоже, что так, поскольку моей Сесилии только что исполнилось девятнадцать, а я припоминаю, что твоя София родилась почти на год раньше. Боже мой, как летит время! Бедная Марианна! Каким она была прелестным созданием!

С некоторым трудом сэр Гораций вызвал в памяти образ покойной супруги.

¹ Судя по всему, автор имеет в виду Георга III (1738–1820), короля Великобритании и курфюрста Ганновера с 25 октября 1760 года. Близкие ему люди, в частности его дети, называли Георга именно так. В конце жизни он страдал тяжелым психическим расстройством, по причине которого в 1811 году над ним было установлено регентство. – *Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*

² Пиренейская война (1808–1814) – война Англии, Португалии и Испании против Наполеона.

³ Имеется в виду Наполеон Бонапарт.

– Да, пожалуй, так, – согласился он. – Но все это в прошлом. Кстати, Софи ничуть не похожа на нее: она вся в меня!

– Представляю, каким утешением она для тебя стала, – вздохнула леди Омберсли. – И я уверена, дорогой Гораций, что ты очень привязан к ней!

– Ничуть не бывало, – небрежно отмахнулся дипломат. – Я не стал бы держать ее подле себя, если бы она доставляла мне хлопоты или нуждалась в заботе. Но чего не было, того не было: она славная малютка, моя Софи!

– Да, дорогой мой, но таскать маленькую девочку за собой по всей Испании и Португалии, когда ей следовало бы обучаться в приличной школе...

– Только не ей! Там ее научили бы всяким глупым женским штучкам, – цинично заметил сэр Гораций. – Кроме того, рассуждать на эту тему бесполезно, поскольку уже слишком поздно! Все дело в том, Лиззи, что я оказался в затруднительном положении. И хочу, чтобы ты присмотрела за Софи, пока я буду в Южной Америке.

– В Южной Америке? – ахнула леди Омберсли.

– В Бразилии. Я не рассчитываю застрять там надолго, но не могу взять свою маленькую Софи с собой, как не могу и оставить ее с Тилли, поскольку Тилли умерла. Скончалась в Вене пару лет назад, чем причинила мне жуткое неудобство, но я не держу на нее зла: в конце концов, она же не нарочно.

– Тилли? – тупо переспросила леди Омберсли.

– Проклятье, Элизабет, что ты все время повторяешь за мной, как попугай? Ужасно дурная привычка! Мисс Тиллингем, гувернантка Софи!

– Господи помилуй! Ты хочешь сказать, что сейчас у девочки нет гувернантки?

– Разумеется, нет! Ей не нужна гувернантка. Пока мы жили в Париже, я без труда находил для нее почтенных дам, которые могли ее сопровождать, а в Лиссабоне на это вообще никто не обращал внимания. Но оставить ее одну в Англии я не могу.

– Конечно, это невозможно! Но, дорогой мой Гораций, хотя для тебя я готова сделать все что угодно, я не уверена, что...

– Вздор! – решительно перебил ее сэр Гораций. – Она станет прекрасной подружкой и спутницей для твоей дочери – как там ее зовут? Сесилия? У нее чудесный нрав: начисто лишена дурных наклонностей и пороков!

Отцовская похвала привела леди Омберсли в замешательство, и она неуверенно запротестовала. Гораций же продолжал, не обращая на нее внимания:

– Более того, она не доставит тебе решительно никаких неудобств, – заявил он. – У нее есть голова на плечах, у моей малютки Софи. Я никогда о ней не беспокоился.

Леди Омберсли прекрасно знала характер своего брата и оттого ни миг не усомнилась в этом. Но поскольку сама она тоже была женщиной покладистой и уживчивой, то воздержалась от язвительных комментариев.

– Я уверена, что она славная девочка, – сказала миледи. – Но видишь ли, Гораций...

– Да, и еще одно: пора подумать о том, чтобы подыскать ей мужа, – заявил сэр Гораций, усаживаясь в кресло по другую сторону камина. – Я знал, что могу положиться на тебя. Черт возьми, ты же ее тетушка, в конце концов! И моя единственная сестра.

– Я была бы счастлива вывести ее в свет, – с сожалением сообщила леди Омберсли. – Но видишь ли... Боюсь, что... Словом, расходы на дебют Сесилии в минувшем году оказались ужасно велики, а перед этим состоялась свадьба моей дорогой Марии, и Хьюберт отправился на учебу в Оксфорд, не говоря уже о плате за обучение бедного Теодора в Итоне...

– Если тебя беспокоят расходы, то можешь не тревожиться на этот счет: я возьму их на себя. Тебе не придется и представлять ее при дворе: я сам этим займусь, когда вернусь домой, а если хлопоты кажутся тебе чрезмерными – что ж, я найду другую женщину. Пока

мне необходимо, чтобы она познакомилась со своими двоюродными братьями и сестрами, встретилась с нужными людьми: ну, ты понимаешь, что я имею в виду!

– Конечно, понимаю, но я говорю не о хлопотах! Просто у меня такое ощущение, что это... что все должно быть совсем иначе! Ведь мы ведем довольно замкнутый образ жизни.

– Имея свору девчонок на шее, тебе следует чаще устраивать приемы, – без обиняков заявил сэр Гораций.

– Гораций, у меня нет своры девчонок на шее! – запротестовала леди Омберсли. – Селине всего шестнадцать, а Гертруда и Амабель едва выросли из пеленок!

– Кажется, я понимаю, в чем дело, – снисходительно заметил сэр Гораций. – Ты боишься, что она может затмить Сесилию. Не стоит беспокоиться, дорогая! Моя маленькая Софи вовсе не красавица. Она хороша собой, и я убежден, что ты сочтешь ее привлекательной, но твоя Сесилия – нечто особенное. Помню, что именно так я подумал, увидев ее в прошлом году. И признаюсь, меня это весьма удивило, поскольку ты, Лиззи, никогда не отличалась привлекательностью, а твоего Омберсли я вообще считал весьма заурядной персоной.

Его сестра смиренно выслушала столь суровую отповедь, но очень расстроилась из-за того, что он счел ее способной вынашивать такие черные мысли в отношении своей племянницы.

– Даже если бы я действительно была такой ужасной особой, все равно подобные подозрения совершенно безосновательны, – заявила она. – Официального объявления еще не было, но я не стану скрывать от тебя, Гораций, что Сесилия вот-вот заключит весьма удачный во всех отношениях брачный союз.

– Прекрасно, – произнес сэр Гораций. – Значит, у тебя появится свободное время, чтобы подыскать мужа для Софи. Думаю, это не составит особого труда: она прелестное создание, к тому же в положенное время унаследует весьма приличное состояние, не считая того, что оставила ей мать. Не стоит опасаться, что она сделает неудачный выбор: Софи – довольно разумная и здравомыслящая девушка и достаточно повидала мир, чтобы понимать что к чему. А кого ты подобрала Сесилии?

– Лорд Чарлбери попросил у Омберсли ее руки и разрешения признаться ей в своих чувствах, – ответила миледи, не сумев скрыть гордости.

– А, Чарлбери, – сказал сэр Гораций. – И впрямь очень удачный выбор, Элизабет! Признаюсь, не думал, что ты сумеешь заполучить столь ценный приз, поскольку смазливая внешность – это еще не все, а судя по тому, как успешно Омберсли избавлялся от своего состояния, когда я видел его в последний раз...

– Лорд Чарлбери, – чопорно ответствовала леди Омберсли, – очень состоятельный человек и, насколько мне известно, не имеет столь вульгарных устремлений. Он сам сказал мне, что влюбился в Сесилию с первого взгляда!

– Прекрасно! – заявил сэр Гораций. – Полагаю, он уже некоторое время жаждет обзавестись супругой – ему ведь не меньше тридцати, не так ли? – но если он питает к девочке самые нежные чувства, тем лучше! Это лишь укрепит его интерес к ней.

– Ты прав, – согласилась леди Омберсли. – Я убеждена, что они прекрасно подходят друг другу. Он – сама любезность и доброта, обладает изысканными манерами, острым умом и к тому же привлекательной внешностью.

Сэр Гораций, которого не слишком интересовали дела и заботы племянницы, поспешно согласился:

– Да-да, он – образчик совершенства и воплощенной добродетели, и Сесилия вполне может гордиться тем, что заключит столь выгодный союз! Надеюсь, что и Софи ты подберешь кого-нибудь столь же выдающегося.

– Мне бы этого очень хотелось! – со вздохом ответила миледи. – Вот только момент сейчас наступил не самый подходящий, потому как... Словом, я боюсь, что Чарльзу это не понравится!

Сэр Гораций нахмурился и напряг память:

– Мне казалось, что его зовут Бернард. А почему это должно ему не понравиться?

– Я говорю не об Омберсли, Гораций. Ты должен помнить Чарльза!

– Если ты имеешь в виду своего старшего сына, то я помню его, разумеется! Но почему его мнение для тебя столь важно, и с чего бы вдруг он должен возражать против моей Софи?

– О, нет-нет, не против нее! Я уверена, что он не станет протестовать! Но, боюсь, ему может не понравиться, если сейчас мы снова погрузимся в увеселения! Полагаю, ты не видел объявления о его собственной скорой женитьбе, и я должна сообщить тебе, что он обручился с мисс Рекстон.

– С дочерью старого Бринклоу? Клянусь честью, Лиззи, а ты не теряла времени даром! Никогда не думал, что у тебя достанет здравого смысла на такой шаг! Союз и впрямь превосходный! Тебя можно поздравить!

– Да, – сказала леди Омберсли. – О да! Мисс Рекстон – замечательная девушка. Я уверена, что она обладает многочисленными достоинствами. Очень здравомыслящая и образованная, а ее строгие принципы не могут не вызывать уважения.

– Она наверняка смертельно скучна, – без обиняков предположил сэр Гораций.

– Чарльза, – призналась леди Омберсли, скорбно глядя на огонь, – не интересуют чересчур жизнерадостные и веселые девушки, как, впрочем, и... экстравагантные выходки. Должна признать, что порой мне кажется, будто мисс Рекстон не хватает некоторой *живости*... Но ты не должен обращать внимания на мои слова, Гораций, потому как я сама никогда не питала ни малейшей склонности становиться синим чулком, а в наши дни, когда многие молодые девушки попросту не знают удержу, так приятно встретить такую... Чарльзу очень нравится строгость и сдержанность мисс Рекстон! – поспешно закончила она.

– Знаешь, Лиззи, очень странно, что твой с Омберсли сын вырос таким занудой, – бесстрастно заметил сэр Гораций. – Ты, часом, не наставила Омберсли рога, а?

– Гораций!

– Да, я знаю, что ты на такое не способна! Не злись, пожалуйста! По крайней мере не в случае со старшим сыном: не настолько уж ты глупа, в конце концов! Тем не менее картина получается странная, и меня всегда это удивляло! Он может жениться на своем синем чулке, ну и на здоровье, мне до этого нет никакого дела, однако это совершенно не объясняет, почему тебя так волнует, что ему нравится, а что – нет!

Леди Омберсли перевела взгляд с пылающих углей на лицо брата.

– Ты кое-чего не понимаешь, Гораций.

– Об этом я и говорю!

– Да, но... В общем, Гораций, Мэттью Ривенхолл все свое состояние оставил Чарльзу!

Сэр Гораций, по всеобщему мнению, был сообразительным и дальновидным человеком, но сейчас он не сразу уяснил себе значение того, что сообщила ему сестра. Он непонимающе смотрел на нее некоторое время, после чего поинтересовался:

– Ты имеешь в виду старого дядюшку Омберсли?

– Его самого.

– Набоба?

Леди Омберсли кивнула, но ее брат все еще не был удовлетворен.

– Того, что составил себе состояние в Индии?

– Да, и мы всегда думали... Но он сказал, что Чарльз – единственный из рода Ривенхолл, не считая его самого, у которого имеется хоть капля мозгов и здравого смысла, и он оставил все ему, Гораций! *Всё!*

– Господи помилуй!

Очевидно, это восклицание показалось леди Омберсли вполне уместным, потому что она вновь кивнула, горестно глядя на брата и беспомощно теребя бахрому своей шали.

– Значит, именно Чарльз теперь задает тон и распоряжается здесь! – сказал сэр Гораций.

– Он очень щедр, другого такого поискать, – печально сообщила леди Омберсли. – Так что мы должны отнестись к этому с пониманием.

– Будь проклята его наглость! – заявил сэр Гораций, который сам был отцом. – Что он натворил?

– Видишь ли, Гораций, ты мог этого не знать, потому что все время живешь за границей, но бедный Омберсли в свое время наделал очень много долгов.

– Это всем известно! Я уже и не припомню, когда он не пребывал в стесненных обстоятельствах! Или ты хочешь сказать, что мальчишка оказался настолько глуп, что все их выплатил?

– Но, Гораций, кто-то ведь должен был это сделать! – запротестовала она. – Ты не представляешь, насколько все осложнилось! А ведь надо воспитывать младших мальчиков, чтобы они заняли достойное место, да и девочки... Неудивительно, что Чарльз страстно желает, чтобы Сесилия заключила выгодный союз!

– Значит, он содержит всю ораву, не так ли? Дважды дурак! А как насчет закладных? Если бы Омберсли имел полное право распоряжаться большей частью своего наследства, он бы давно промотал его!

– Я не очень в этом разбираюсь, – ответила его сестра, – но, боюсь, Чарльз повел себя в этом вопросе не совсем так, как следовало бы. Омберсли был крайне недоволен, но называть собственного первенца «змеиным зубом»⁴ тоже никуда не годится! Казалось бы, Чарльз, достигнув совершеннолетия, мог бы сделать приятное своему отцу, проявить хотя бы толику сыновней любви и почтительности! Но нет, он наотрез отказался изменить условия распоряжения собственностью, и все осталось по-прежнему, так что никто не может упрекнуть Омберсли в том, что он раздосадован! А потом тот гадкий старик умер...

– Когда? – поинтересовался сэр Гораций. – Как так вышло, что вплоть до сегодняшнего дня я ничего об этом не слышал?

– Это случилось более двух лет назад, и...

– Теперь все ясно: тогда я был чертовски занят, разбирался с Ангулемом и прочим. Скорее всего, это случилось, когда я находился в Тулузе. Однако, когда мы виделись с тобой в минувшем году, ты об этом и словом не обмолвилась, Лиззи!

Ее больно задела подобная несправедливость, и она с негодованием заявила:

– Не понимаю, как я могла думать о таких мелочах, когда монстр Бонапарт вырвался на свободу, и случились эти события на Марсовом поле⁵, и банки приостановили платежи, и Бог знает что еще! А потом ты взял и нагрянул без предупреждения из своего Брюсселя, к тому же провел со мной всего каких-нибудь двадцать минут! У меня голова шла кругом, и если я вообще была способна отвечать на твои расспросы, то ты должен быть благодарен мне за это!

Сэр Гораций, пропустив последнее замечание мимо ушей, дал волю тому, что у него называлось эмоциями, и воскликнул с чувством:

– Неслыханно! Я признаю, что Омберсли – шалопай каких поискать, поскольку шила в мешке не утаишь, но вычеркнуть его из своего завещания и поставить его сына им командовать!.. А я готов биться об заклад, что именно так он себя и ведет!

⁴ Имеется в виду выражение: «...острей зубов змеиных неблагодарность детища!» Крылатая фраза взята из драмы У. Шекспира «Король Лир».

⁵ Марсово поле – общественный парк в 7-м округе Парижа. Именно здесь была торжественно принесена присяга первой французской конституции 14 июля 1790 года и происходили события народного восстания 17 июля 1791 года.

– Нет-нет! – робко запротестовала леди Омберсли. – Чарльз в полной мере осознает, что причитается отцу! И он никогда не выказывает ему неуважения, уверяю тебя! Вот только бедный Омберсли обижен на него, и это вполне естественно, учитывая, что теперь Чарльз стал полновластным хозяином.

– Хорошенькое дело, нечего сказать!

– Да, но я утешаюсь хотя бы тем, что никто не подозревает о действительном положении вещей. Кроме того, не стану отрицать, что здесь есть и положительные стороны. Ты не поверишь, Гораций, но в доме не осталось ни одного неоплаченного счета! – Ненадолго задумавшись, она поспешно поправилась: – Конечно, я не могу отвечать за Омберсли, но все эти ужасные счета за домашнее хозяйство, которые вызывали такое недовольство у Экингтона – ты ведь помнишь нашего славного Экингтона, агента Омберсли?... И плата за обучение в Итоне и Оксфорде... Чарльз, дорогой мой брат, заботится решительно обо всем!

– Уж не хочешь ли ты сказать, что Чарльз оказался настолько глуп, что транжирит состояние старого Мэтта Ривенхолла, оплачивая счета за содержание этой казармы? – воскликнул сэр Гораций.

– Нет. О нет! Я совершенно не разбираюсь в деловых вопросах, поэтому не проси меня объяснить их тебе, но, полагаю, Чарльз убедил отца... позволить ему управлять поместьем.

– Шантажировал его, скорее всего! – мрачно заключил сэр Гораций. – Да уж, в славное время мы живем! Имей в виду, Лиззи, я понимаю мальчика, но, клянусь Богом, тебя мне жаль куда больше!

– Поверь, все не так плохо, как тебе представляется! – в отчаянии вскричала леди Омберсли. – Не хочу, чтобы ты думал... или имел причины полагать, будто Чарльз бывает невежливым или несговорчивым, потому что на самом деле это не так, разве что когда выйдет из себя, хотя следует признать, что у него имеется масса поводов для этого! Вот почему, дорогой Гораций, я опасаясь, что если ему не понравится мое предложение взять на себя заботу о Софии, то мне не следует испытывать его терпение!

– Вздор! – заявил сэр Гораций. – Почему бы это ему не понравилось?

– Мы... Мы решили в этом году не устраивать приемов, помимо необходимых. К несчастью, пришлось отложить и свадьбу Чарльза из-за тяжелой утраты, которую понесла семья мисс Рекстон. Одна из сестер леди Бринклоу скончалась, и они будут носить черные перчатки⁶ еще целых шесть месяцев. Ты должен понимать, что Бринклоу очень щепетильны во всем, что касается правил приличия. Евгения посещает только очень скромные приемы, и... и вполне естественно ожидать, что Чарльз разделит ее горе!

– Господи, Элизабет, мужчина не обязан носить траур по тетке женщины, на которой он даже не женат!

– Разумеется, нет, но Чарльз, похоже, так не считает... И не забывай о Чарлбери!

– А этому что мешает?

– Свинка, – трагическим тоном ответила леди Омберсли.

– Что? – Сэр Гораций расхохотался. – Вот это да! Что же он за мужчина, если подцепил свинку в тот самый момент, когда должен был жениться на Сесилии!

– Право, Гораций, мне кажется, ты к нему несправедлив: разве это его вина? Для него это так унизительно! Более того, болезнь подкосила его очень не вовремя, потому что если бы он обручился с Сесилией, то, без сомнения, сумел бы завоевать ее сердце, поскольку нрав у него дружелюбный и располагающий к себе, а манеры и речь – именно такие, какими должны быть! Но девушки склонны делать глупости и забивать себе голову романтическими бреднями и увлечениями – хотя, к счастью, Сесилия ничуть не похожа на этих ужасных

⁶ Здесь: траур.

современных барышень и, разумеется, прислушается к наставлениям родителей! Однако следует признать, что более неподходящего времени для свинки Чарлбери выбрать было трудно!

Сэр Гораций, вновь открывая табакерку, окинул сестру насмешливым и проницательным взглядом.

– И кем же увлеклась Сесилия? – осведомился он.

Леди Омберсли понимала, что старший сын наверняка посоветовал бы ей благоразумно промолчать; но стремление открыть брату душу оказалось слишком велико, чтобы она могла ему противостоять. Миледи призналась:

– Я знаю, Гораций, что ты никому не станешь повторять мои слова, но глупая девчонка думает, что влюбилась в Огастеса Фэнхоупа!

– Одного из мальчишек Латтерворта? – уточнил сэр Гораций. – Должен заметить, что подобный союз не вызывает у меня особого восторга!

– Господи помилуй, не смей даже думать об этом! Самый младший из сыновей, но едва ли не самый амбициозный! К тому же поэт.

– Это очень опасно, – согласился сэр Гораций. – По-моему, я никогда не видел этого юношу. Что он собой представляет?

– Он весьма красив! – с отчаянием сообщила брату леди Омберсли.

– Неужели похож на лорда Байрона? Тогда это многое объясняет!

– Нет-нет! Волосы у него светлые, как у Сесилии, он не хромает⁷, и стихотворения у него очень милые, напечатанные на белой веленовой бумаге, да только вот *расходятся* они не очень хорошо. Совсем не как у лорда Байрона. Это ужасно несправедливо, потому что издать их наверняка стоило больших денег, и за все это ему пришлось заплатить из собственного кармана – или, скорее, из кармана леди Латтерворт, если верить тому, что я слышала.

– Сдается мне, – промолвил сэр Гораций, – что я знаю этого юношу. В прошлом году он был в Брюсселе, работал у Стюарта. Послушай моего совета: выдавай Сесилию замуж за своего Чарлбери как можно скорее!

– Знаешь, я так бы и сделала, если бы... Но я не смогу поступить подобным образом, если окажется, что он ей противен! И ты должен понять, что я не в силах что-либо предпринять, пока он лежит в постели со свинкой!

Сэр Гораций покачал головой:

– Тогда она выйдет замуж за поэта.

– Не говори так! Но Чарльз полагает, что будет лучше, если мы с Сесилией не станем бывать там, где она может встретить этого молодого человека, и это еще одна причина, по которой мы сейчас ведем уединенный образ жизни. Ужасно неловкая ситуация! Иногда мне хочется, чтобы этот несчастный юноша не принадлежал к нашему кругу – пусть он был бы охотником за приданым, сыном торговца или еще кем-нибудь в этом роде! Тогда можно было бы отказать ему от дома, запретить Сесилии танцевать с ним на балах, хотя в этом не было бы необходимости, поскольку он не был бы вхож в высшее общество. Но Фэнхоуп, естественно, может бывать везде! И это очень досадно! Хотя я вынуждена признать, что Чарльз ведет себя по отношению к нему крайне невежливо, даже он согласен, что нельзя перегибать палку и пренебречь приличиями настолько, чтобы оскорбить его семью. Альмерия Латтерворт – одна из моих старинных подруг!

Сэр Гораций, которому эта тема, похоже, уже наскучила, подавил зевок и лениво протянул:

⁷ Лорд Байрон был брюнетом и с детства страдал хромотой. – *Примеч. ред.*

– Полагаю, у тебя нет причин нервничать и расстраиваться. Все Фэнхоупы бедны как церковные мыши, и леди Латтерворт, скорее всего, желает этого брака ничуть не более тебя.

– Ничего подобного! – сердито отозвалась миледи. – Она глупа до невозможности, Гораций! Огастес всегда получает все, что пожелает! Она уже делала мне совершенно недвусмысленные намеки, так что я не знала, куда глаза девать, не говоря уже о том, чтобы ответить; однако я сказала, что лорд Чарлбери испросил у нас разрешения признаться Сесилии в своих чувствах, а мне представляется, что она... Нет, не будем об этом! Мне и в голову не могло прийти, что Огастес готов настолько пренебречь приличиями, чтобы обратиться к Сесилии, не заручившись сначала согласием Омберсли, но именно так он и поступил!

– Ну, полноте! – сказал сэр Гораций. – Коль уж она воспылала к нему страстью, тебе не стоит ей мешать. В конце концов, если она и выйдет замуж, то за человека не ниже себя по положению или рождению, а раз ей хочется стать женой нищего младшего сына, то это ее личное дело.

– Интересно, что бы ты сказал, если бы речь шла о Софии? – вспылила его сестра.

– Софи не такая дурочка.

– И Сесилия тоже, – оскорбленно заявила леди Омберсли. – Если ты видел Огастеса, то не должен удивляться! К нему просто невозможно не проникнуться симпатией! Признаюсь, я и сама поддалась его обаянию. Но Чарльз прав, и я очень скоро вынуждена была признать: их брак решительно невозможен!

– Что ж, вполне вероятно, появление новой подруги в лице кузины отвлечет твою дочь и придаст ее мыслям иное направление, – заявил сэр Гораций, желая утешить сестру.

Подобное предположение, похоже, приятно удивило леди Омберсли. Лицо ее просветлело, и она сказала:

– Ты действительно так полагаешь? Видишь ли, она немного застенчива и нелегко заводит друзей, а с тех пор как ее лучшая подруга, мисс Фристон, вышла замуж и переехала жить в центральные графства, у нее не осталось никого, с кем бы она поддерживала теплые отношения. Итак, если дорогая София поселится у нас... – Она умолкла, принявшись строить в голове всевозможные планы.

Миледи все еще размышляла над вероятными последствиями, когда дверь отворилась, и в гостиную вошел ее старший сын.

Досточтимому Чарльзу Ривенхоллу исполнилось двадцать шесть лет, но суровое выражение лица в сочетании с манерами, в которых сквозила властная самоуверенность и сдержанность, изрядно старили его. Он был высоким и крепким молодым человеком, который выглядел бы уместнее на поле или пастбище, чем в гостиной своей матери. Он почти всегда предпочитал костюм для верховой езды более модным панталонам и ботфортам; галстук он повязывал самым незамысловатым узлом; скромные уголки его воротничка были накрахмалены весьма умеренно, и он всей душой презирал такие щегольские атрибуты, как брелоки, цепочки для карманных часов или монокли, а своего портного он оскорблял требованием шить пальто и сюртуки таким образом, чтобы он мог надевать их и сбрасывать с плеч без помощи камердинера. Поговаривали, будто он выражал горячую надежду, что небеса смилостивятся над ним и его никогда не примут за денди; но, как метко подметил его друг Киприан Уичболд, божественное вмешательство здесь и не требовалось. Настоящего денди, с некоторой строгостью заявил мистер Уичболд, отличают не только изысканные манеры, но и безупречный внешний вид, равно как и дружелюбное поведение, что, в сочетании с располагающей обходительностью и утонченной вежливостью, делает их желанными гостями в любом салоне. Но поскольку мистер Ривенхолл полагал, что правила приличия требуют от него холодной сдержанности в отношении любого, к кому он не питал дружеских чувств, а его манеры – весьма далекие от приятных – включали в себя привычку смущать присталь-

ным взглядом тех, чью претенциозность он категорически не одобрял, и изрекать убийственные и уничижительные замечания, делавшие светское общение затруднительным, то ему грозила куда большая опасность того, что (по словам мистера Уичболда) его примут за йеху⁸.

Когда он закрыл за собой дверь, миледи подняла голову, вздрогнула и с деланной веселостью, вызвавшей недовольство ее брата, воскликнула:

– О! Чарльз! Представь себе! Твой дядя Гораций!

– Да, Дассет уже сообщил мне об этом, – ответил мистер Ривенхолл. – Здравствуйте, сэр.

Он пожал дяде руку, пододвинул себе стул, сел и завел с сэром Горацием вежливую беседу. Его мать, нервно теребившая сначала бахромку шали, а потом носовой платок, наконец не выдержала и прервала их разговор:

– Чарльз, ты помнишь Софию? Твою маленькую кузину?

Судя по выражению лица мистера Ривенхолла, он ее не помнил, но ответил со свойственной ему прохладцей:

– Разумеется. Надеюсь, у нее все хорошо, сэр?

– Она не болела ни дня в своей жизни, если не считать кори, – ответил сэр Гораций. – Вскоре ты сам ее увидишь; твоя мать примет на себя заботу о ней, пока я буду в Бразилии.

Было очевидно, что подобная манера сообщения столь важных новостей пришлась не по вкусу леди Омберсли, которая поспешно пустилась в объяснения:

– Видишь ли, это еще не решено окончательно, хотя я ничего так не желала бы, как принять у себя дочь моего дорогого брата. Кроме того, Чарльз, присутствие Софии доставило бы несомненное удовольствие Сесилии: они почти одногодки.

– Бразилия? – переспросил мистер Ривенхолл. – Должно быть, это очень интересно. Вы собираетесь долго пробыть там, сэр?

– О нет! – туманно ответил сэр Гораций. – Скорее всего, нет. Все будет зависеть от обстоятельств. Я как раз говорил твоей матери о том, что буду перед ней в долгу, если она сумеет подыскать моей Софи достойного супруга. Ей пора выходить замуж, а твоя мать, судя по тому, что я слышал, – большой знаток в этой области. И тебя, мой мальчик, можно поздравить, насколько я понимаю?

– Благодарю вас, да, – с легким поклоном ответил мистер Ривенхолл.

– Если ты не возражаешь, Чарльз, то я бы с большой радостью приняла Софию, – ласковым голосом проговорила леди Омберсли.

Он метнул на нее нетерпеливый взгляд и ответил:

– Вы можете поступать так, как вам заблагорассудится, сударыня. Не понимаю, причем здесь я.

– Естественно, я объяснила твоему дяде, что мы ведем очень тихий и скромный образ жизни.

– Ее это ни в коей мере не будет тяготить, – успокаивающе заметил сэр Гораций. – Она у меня умница и всегда найдет, чем заняться. Софи была одинаково счастлива как в маленькой испанской деревушке, так в Вене или Брюсселе.

Услышав его слова, леди Омберсли резко села на софе.

– Только не говори мне, что в прошлом году ты потащил ребенка с собой в Брюссель!

– Разумеется, она была в Брюсселе! А где, черт меня побери, ей еще быть? – раздраженно ответил сэр Гораций. – Ведь ты бы не хотела, чтобы я оставил ее в Вене, верно? Кроме того, в Брюсселе ей очень понравилось. Там мы встретили кучу старых друзей.

– Но опасность!

⁸ Вымышленные отвратительные человекоподобные существа из романа Д. Свифта «Путешествия Гулливера», концентрированный образ природы человека, не облагороженной духовностью. – *Примеч. ред.*

– А, ерунда! О какой опасности может идти речь, когда там распоряжался Веллингтон⁹?

– Когда же мы будем иметь удовольствие лицезреть мою кузину? – вмешался мистер Ривенхолл. – Будем надеяться, что жизнь в Лондоне не покажется ей чересчур унылой и скучной после изрядных треволнений на континенте¹⁰.

– Только не ей! – заверил сэр Гораций. – Не припоминаю, чтобы Софи бездельничала: она непременно найдет себе занятие или развлечение. Предоставьте ей свободу действий, и все будет в порядке. Я всегда так делаю, и еще ни разу не пожалел об этом. Но когда именно она приедет, сказать пока затруднительно. Она непременно захочет проводить меня, но, как только я отплыву в Бразилию, сразу же отправится в Лондон.

– Отправится в Лондон, как только... Гораций, ты должен сам привезти ее ко мне! – возмущенно воскликнула потрясенная леди Омберсли. – Девушка ее возраста не должна путешествовать одна! Это неслыханно!

– Она будет не одна. При ней состоит горничная – дьявол в юбке, а не женщина, она объездила с нами всю Европу! – а также Джон Поттон. – Заметив недоуменно приподнятые брови племянника, он счел своим долгом пояснить: – Грум, посыльный, доверенное лицо и мастер на все руки! Присматривал за Софи с пеленок. – Вынув из маленького кармана часы, он сверился с ними. – А теперь, когда мы обо всем договорились, Лиззи, мне пора. Я всецело доверяю тебе заботы о Софи и выбор для нее достойной пары. Это очень важно, потому что... Но сейчас я не располагаю временем для объяснений. Уверен, она сама тебе все расскажет.

– Но, Гораций, мы ни о чем не договорились! – запротестовала его сестра. – И Омберсли расстроится, что не повидался с тобой. Я надеялась, что ты хотя бы отужинаешь с нами!

– Нет, не могу, – ответил он. – Я ужинаю в Карлтон-хаусе¹¹. А Омберсли передавай привет и наилучшие пожелания; надеюсь, мы с ним скоро увидимся!

Он небрежно поцеловал ее в щеку, еще раз сердечно потрепал по плечу и вышел из гостиной. Племянник отправился проводить его.

– Только этого мне не хватало! – в сердцах воскликнула леди Омберсли, когда Чарльз вернулся в комнату. – Я понятия не имею, когда это дитя сюда приедет!

– Это не имеет значения, – заметил Чарльз с равнодушием, которое так часто выводило ее из себя. – Полагаю, вам достаточно распорядиться, чтобы для нее подготовили комнату, и она может приехать, когда ей вздумается. Будем надеяться, что она понравится Сесилии, поскольку я уверен, что они много времени будут проводить вместе.

– Бедняжка! – вздохнула леди Омберсли. – Мне уже не терпится поскорее обнять ее, Чарльз! Ей наверняка было очень одиноко! Что за странный образ жизни!

– Странный – несомненно, но вряд ли одинокий, поскольку если она вела хозяйство в доме моего дяди, то, полагаю, при ней была какая-нибудь пожилая леди – гувернантка или кто-нибудь в этом роде.

– Разумеется, так и должно быть, но твой дядя сообщил мне, что ее гувернантка умерла, когда они жили в Вене! Не хочу дурно отзываться о своем единственном брате, но, похоже, Гораций не в состоянии позаботиться о собственной дочери!

– Совершенно с вами согласен, – сухо заметил сын. – Надеюсь, вам не придется сожалеть о своей доброте, матушка.

⁹ Артур Уэлсли, 1-й герцог Веллингтон (1769–1852) – английский полководец и государственный деятель, фельдмаршал, участник Наполеоновских войн, победитель при Ватерлоо (1815). Дважды был премьер-министром Великобритании.

¹⁰ Континентом жители Британских островов называют континентальную Европу.

¹¹ Резиденция принца-регента. – *Примеч. ред.*

– О нет, что ты! Я уверена в этом! – воскликнула она. – Твой дядя так ее описал, что мне не терпится поскорее с ней увидеться! Бедное дитя! Наверное, никто не принимал в расчет ее желания или удобства! Я чуть было не рассердилась на Горация, когда он без конца повторял мне, что она славная малышка и никогда не доставляла ему ни малейшего беспокойства! Смею заметить, что он никому не позволит доставить себе хотя бы намек на беспокойство, ибо на всем свете не отыскать второго такого эгоиста! София наверняка унаследовала мягкий характер своей бедной матери, и я не сомневаюсь, что она станет хорошей подружкой для Сесилии.

– Надеюсь, – ответил Чарльз. – Вот, кстати, матушка! Я только что перехватил очередной букет цветов, который этот молокосос прислал моей сестре. К нему прилагалось послание.

Леди Омберсли взяла это письмо и в смятении уставилась на него.

– И что мне с ним делать? – спросила она.

– Бросьте его в огонь, – посоветовал сын.

– О нет, я не могу, Чарльз! Оно может быть вполне невинным! Кроме того... Может быть, это письмо от его матери, адресованное мне!

– Крайне маловероятно, но если вы так полагаете, то вам лучше его прочесть.

– Разумеется, ведь это мой долг, – без особого энтузиазма согласилась она.

Он окинул ее презрительным взглядом, но ничего не сказал, и после секундного замешательства она все же сломала печать и развернула лист бумаги.

– О боже, это стихи! – воскликнула она. – Должна сказать, очень милые! Послушай, Чарльз!

Когда твой ласковый небесный взгляд, о нимфа,
Касается души моей мятежной...

– Покорно благодарю и прошу избавить меня от этого! – резко прервал ее мистер Ривенхолл. – Бросьте его в огонь, матушка, а Сесилии скажите, что она не должна получать письма без вашего позволения!

– Да, но стоит ли сжигать его, Чарльз? Подумай, ведь это может быть единственный экземпляр стихотворения! Возможно, он захочет напечатать его!

– Он не посмеет печатать подобный вздор о моей сестре! – угрюмо заявил мистер Ривенхолл, властным жестом протягивая к матери руку.

Леди Омберсли, всегда покорявшаяся сильной воле, уже собиралась отдать ему послание, когда дрожащий голосок, донесшийся со стороны двери, заставил ее остановиться.

– Мама! Нет!

Глава 2

Рука леди Омберсли упала; мистер Ривенхолл резко повернулся, и на его лицо легла тень. Сестра, метнув на него исполненный жгучего презрения взгляд, подбежала к матери и воскликнула:

– Отдай его мне, мама! Какое право Чарльз имеет сжигать мои письма?

Леди Омберсли беспомощно взглянула на сына, но тот промолчал. Сесилия выхватила у матери развернутый лист бумаги и прижала его к своей бурно вздымающейся груди, что заставило-таки мистера Ривенхолла разомкнуть уста.

– Бога ради, Сесилия, довольно с нас этих комедий! – сказал он.

– Как ты смеешь читать мои письма? – бросила она в ответ.

– Я не читал твоего письма! Я отдал его матушке, и вряд ли ты осмелишься утверждать, будто она тоже не имеет права прочесть его!

Ее нежные голубые глаза наполнились слезами, и она негромко произнесла:

– Это ты во всем виноват! Мама бы никогда... Я ненавижу тебя, Чарльз! Ненавижу!

Он пожал плечами и отвернулся. Леди Омберсли неуверенно произнесла:

– Ты не должна так говорить, Сесилия! Тебе ведь известно, что неприлично получать письма без моего ведома! Боюсь даже представить, что сказал бы твой отец, узнай он об этом.

– Отец! – презрительно вскричала Сесилия. – Нет! Это Чарльз получает удовольствие оттого, что делает меня несчастной!

Брат оглянулся на нее:

– Пожалуй, бесполезно убеждать тебя в том, что я искренне желаю лишь одного – чтобы ты *не* была несчастлива.

Она не удостоила его ответом и дрожащими руками бережно сложила письмо, спрятала его на груди и с вызовом посмотрела на брата. Он ответил ей исполненным презрения взглядом; мистер Ривенхолл приклонился плечом к каминной полке, сунул руки в карманы бриджей и с саркастической усмешкой стал ожидать, что еще она ему скажет.

Но Сесилия только всхлипнула и вытерла слезы. Она была прелестной, очень красивой девушкой, и завитые крупными локонами светло-золотистые волосы мягко обрамляли ее тонкое лицо, которое от гнева покраснелось и стало еще прекраснее. Обычно весь ее облик дышал задумчивой печалью, но недавняя перепалка зажгла в ее глазах воинственные огоньки, и она прикусила нижнюю губу, что придало ее лицу озлобленное выражение. Брат, наблюдая за ней с неприкрытым цинизмом, заметил вслух, что ей следует чаще выходить из себя, поскольку гнев делает ее еще красивее, придавая живость ее привлекательной, но заурядной внешности.

Но столь невежливое замечание не тронуло Сесилию. Она не могла не знать, что вызывает восхищение, но была девушкой весьма скромной, не считала себя писаной красавицей и даже предпочла бы, согласно веяниям последней моды, быть брюнеткой. Она вздохнула, отпустила губу и присела на низенькую табуретку возле софы матери, после чего гораздо более спокойным тоном произнесла:

– Чарльз, ты не можешь отрицать, что именно благодаря тебе мама... прониклась неприязнью к Огастесу!

– Что ты, дорогая, – искренне возразила леди Омберсли, – здесь ты ошибаешься, потому что он отнюдь не вызывает у меня неприязни! Но я не могу считать его достойным мужем для тебя!

– А мне все равно! – заявила Сесилия. – Он единственный мужчина, к которому я испытываю привязанность, достаточную, чтобы... Словом, я прошу тебя оставить всякую

надежду на то, что я когда-либо приму крайне лестное предложение лорда Чарлбери, потому что этого не будет никогда!

Леди Омберсли горестно, но бессвязно запротестовала, а мистер Ривенхолл равнодушно заметил:

– Однако ты не испытывала особого отвращения к лорду Чарлбери, когда он делал тебе предложение.

Сесилия обратила на него горящий взгляд и ответила:

– Тогда я еще не встретила Огастеса.

Похоже, логика дочери потрясла леди Омберсли, но ее сын оказался куда менее впечатлительным. Он сказал:

– Избавь меня от этой выпренной ерунды, умоляю тебя! Ты знакома с молодым Фэнхоупом все свои девятнадцать лет, не меньше!

– Тогда все было по-другому, – просто ответила Сесилия.

– Это, – рассудительно заметила леди Омберсли, – чистая правда, Чарльз. На мой взгляд, он был самым обычным мальчишкой, а когда учился в Оксфорде, то обзавелся ужасными прыщами, так что никто и предположить не мог, что он превратится в столь привлекательного молодого человека! Да и время, проведенное им в Брюсселе вместе с сэром Чарльзом Стюартом, пошло ему на пользу! Должна признаться, я даже не узнала его после возвращения, настолько он изменился!

– Иногда я спрашиваю себя, – парировал мистер Ривенхолл, – а станет ли когда-нибудь сэр Чарльз прежним? Как леди Латтерворт смогла примириться со своей совестью, навязав столь выдающемуся политику такое ничтожество в качестве секретаря, я предоставляю судить ей самой! Как всем *нам* прекрасно известно, твой драгоценный Огастес более не занимает эту должность! Как и любую другую, впрочем! – язвительно добавил он.

– Огастес, – высокомерно заявила Сесилия, – поэт. Он не способен заниматься... унылой и приземленной деятельностью секретаря посольства.

– Не смею отрицать, – согласился мистер Ривенхолл. – Но равным образом он не способен и содержать жену, моя дорогая сестричка. Не надейся, что я поддержу тебя в подобной глупости, поэтому заявляю сразу и откровенно: этого не будет! И можешь не тешить себя иллюзиями насчет того, что ты сумеешь заручиться согласием отца на столь безрассудный союз, потому что пока мое слово что-нибудь значит в этом доме, ты его не получишь!

– Мне прекрасно известно, что в этом доме значение имеет только твое слово! – вскричала Сесилия, и ее большие глаза наполнились слезами. – Я лишь надеюсь, что ты наконец будешь доволен, когда доведешь меня до отчаяния!

Судя по тому, как заиграли желваки на скулах мистера Ривенхолла, было понятно, каких невероятных усилий ему стоит обуздать свой не слишком добродушный нрав. Мать встревоженно взглянула на него, но, когда он ответил Сесилии, его голос прозвучал пугающе спокойно:

– Моя дорогая сестричка, не могла бы ты приберечь эти челтнемские трагедии¹² до того случая, когда я не смогу их слышать? И прежде чем ты начнешь забивать маме голову своей болтовней, позволь напомнить, что до сих пор тебя никто силой не принуждал вступать в столь немилый твоему сердцу брак – напротив, ты сама изъявила желание выслушать то, что назвала «лестным предложением лорда Чарлбери»!

Леди Омберсли подалась вперед, взяла руку Сесилии в свои и сочувственно сжала ее.

– Родная моя, ты же понимаешь, что это правда! – сказала она. – Откровенно говоря, мне даже показалось, что он тебе очень нравится! Ты не должна думать, будто папа или я

¹² Устойчивый оборот английской речи; запутанная, раздутая трагедия, для которой нет никакого серьезного повода. – *Примеч. ред.*

намереваемся принудить тебя выйти замуж за того, кто вызывает у тебя отвращение – это было бы просто ужасно! И Чарльз тоже не стремится к такому, не так ли, дорогой мой?

– Разумеется. Но при этом у меня нет ни малейшего желания выдавать ее за такого пустого и дешевого человечешку, как Огастес Фэнхоуп!

– Огастеса, – объявила Сесилия, гордо вскинув подбородок, – будут помнить еще долго после того, как твое имя будет предано забвению!

– Ты имеешь в виду его кредиторов? Нисколько в этом не сомневаюсь. А вот что скажешь ты, если всю жизнь будешь вынуждена скрываться от этих весьма назойливых личностей?

Леди Омберсли невольно содрогнулась:

– Увы, любовь моя, это правда! Ты не представляешь себе, какое это унижение... Но не будем об этом!

– Моей сестре бесполезно говорить о чем-либо, кроме содержания очередного романа, которые она берет в библиотеке! – заявил Чарльз. – Она должна быть благодарна, что, учитывая положение, в котором оказалась наша семья, ей представилась возможность заключить хотя бы мало-мальски респектабельный союз! Но нет! Ей предлагают не просто респектабельный, а превосходный брак, а она ведет себя, как какая-нибудь *мисс из Бата*, убивающаяся из-за поэта! *Поэта!* Боже мой, мама, если бы тот образчик его таланта, который вы столь опрометчиво решили мне прочесть... Но у меня больше не хватает терпения спорить об этом! Если вы не сумеете внушить ей, что она должна вести себя так, как подобает девушке ее происхождения, то лучше отправить ее в Омберсли, чтобы она поостыла: может, это приведет ее это в чувство!

Вымолвив столь ужасную угрозу, он быстрым шагом вышел из комнаты, оставив сестру рыдать, а мать – восстанавливать утраченное присутствие духа посредством нюхательных солей.

В перерывах между всхлипываниями Сесилия принялась жаловаться на несправедливую и жестокую судьбу, подарившую ей брата – бессердечного тирана, и родителей, решительно неспособных понять ее чувства. Леди Омберсли, несмотря на то что искренне сочувствовала дочери, не могла этого снести. Заявив, что не может отвечать за сострадательность своего мужа, она заверила Сесилию, что ее собственные душевные порывы позволяют ей сполна оценить все муки запретной любви.

– Когда я была в твоём возрасте, родная, нечто похожее произошло и со мной, – со вздохом призналась она. – Он не был поэтом, разумеется, но я полагала, что безумно люблю его. Но у нас не было будущего, и я в конце концов вышла замуж за твоего папу, который считался прекрасной партией, потому что тогда еще не начал проматывать свое состояние, и... – Она оборвала себя на полуслове, сообразив, что подобные воспоминания сейчас звучат крайне неуместно. – Словом, Сесилия, – хотя я не должна говорить тебе этого – люди нашего круга женятся или выходят замуж не только ради собственного удовольствия.

Сесилия слушала мать молча, понутив голову и промокая глаза уже влажным носовым платком. Она знала, что избалована любовью одного из родителей и жизнерадостным равнодушием другого, и прекрасно понимала, что, узнав о ее увлечении до того, как лорду Чарльзери было позволено выразить ей свои чувства, леди Омберсли проявила к ней куда больше внимания и уважения, чем считалось позволительным у большинства представителей ее круга. Сесилия, конечно, зачитывалась романами, но при этом сознавала, что смелое и даже отчаянное поведение ее любимых героинь ей самой несвойственно. Она решила, что ей уготована судьба старой девы; и осознание этого повергло ее в такую печаль и меланхолию, что она еще ниже опустила голову и вновь поднесла к глазам насквозь мокрый платок.

– Подумай о том, как счастлива твоя сестра! – смягчившись, сказала леди Омберсли. – Я уверена, что нет более отрадного зрелища, чем видеть ее в собственном доме с очаровательным ребенком; Джеймс окружил ее вниманием и заботой, и... и всем остальным, чего только можно пожелать! Смею утверждать, что никакой брак по любви не мог бы оказаться более удачным – хотя я никоим образом не хочу сказать, будто Мария не привязана к Джеймсу! Но они были едва знакомы, когда он обратился к папе за разрешением заговорить с нею, и в то время она не испытывала к нему никаких чувств. Естественно, она прониклась к нему симпатией, в противном случае я бы никогда... Но Мария была такой милой, воспитанной девушкой! Она сама мне сказала, что считает своим долгом принять столь респектабельное предложение, когда папа оказался в стесненных обстоятельствах и нам следовало содержать еще вас четверых!

– Мама, надеюсь, ты не считаешь меня неблагодарной дочерью, но я бы скорее умерла, чем вышла замуж за Джеймса! – твердо произнесла Сесилия, поднимая голову. – У него на уме только охота, а когда по вечерам к ним приходят гости, он отправляется спать и *храпит*!

Обескураженная подобным заявлением, леди Омберсли добрую минуту, а то и две, молчала, не зная, что сказать. Сесилия же высморкалась и добавила:

– А лорд Чарлбери еще старше Джеймса!

– Да, но мы же не знаем, храпит он или нет, родная, – резонно заметила леди Омберсли. – Наверняка ничего подобного нет и в помине, и мы можем быть почти уверены в этом, поскольку он обладает манерами настоящего джентльмена!

– От мужчины, способного заразиться свинкой, – объявила Сесилия, – можно ожидать чего угодно!

Леди Омберсли не нашла ничего предосудительного в этом заявлении, как не удивилась и тому, что совсем неромантическое поведение его светлости внушило Сесилии отвращение к нему. Она сама была ужасно разочарована, поскольку полагала его здравомыслящим мужчиной, не способным подцепить детскую хворь в самый неподходящий момент. Она не нашлась, что сказать в его защиту, а поскольку и Сесилия явно исчерпала запас красноречия, то в комнате на некоторое время воцарилось неловкое молчание. Наконец девушка нарушила его, безжизненным голосом поинтересовавшись, правда ли, что днем у них с визитом побывал ее дядя. С радостью ухватившись за возможность сменить тему и поговорить о более приятных вещах, леди Омберсли поведала дочери о том, какой чудесный сюрприз ее ожидает, и с удовлетворением отметила, что лицо Сесилии просветлело. Впрочем, вызвать у дочери симпатию и сочувствие к неведомой кузине было нетрудно. Девушка не могла представить себе более ужасной судьбы, чем на неопределенное время оказаться на попечении родственников, которые, в сущности, были ей совершенно чужими, и искреннее пообещала сделать все от нее зависящее, чтобы София чувствовала себя у них на Беркли-сквер как дома. Она смутно помнила свою кузину, потому что в последний раз они виделись несколько лет назад; и хотя она иногда задумывалась о том, что путешествие по Европе должно быть волнующим и захватывающим, все же подозревала, что оно сопряжено с большими неудобствами, а потому с готовностью согласилась с леди Омберсли в том, что подобное обременительное существование вряд ли можно счесть идеальной прелюдией к лондонскому дебюту. К тому же, сообразив, что прибытие Софии на Беркли-сквер наверняка изменит к лучшему почти монашеский образ жизни, навязанный семье решимостью Чарльза соблюдать режим строжайшей экономии, она отправилась переодеваться к ужину в куда более умиротворенном расположении духа.

В тот вечер в столовой за огромным столом сидели четверо членов семейства: его светлость соизволил порадовать супругу своим присутствием на ужине, что случалось крайне редко. Из всех собравшихся он один чувствовал и вел себя совершенно непринужденно,

поскольку обладал тем счастливым свойством натуры, которое позволяет не обращать внимания на явные признаки неудовольствия со стороны собеседников. Точно так же он с поразительной легкостью сохранял бодрость и неунывающее настроение, невзирая на унижительное положение фактически пенсионера, пребывающего на содержании у собственного сына. Необходимость решать множество неприятных вопросов повергала его в душевное расстройство, посему он не позволял себе думать о скорбных вещах, что ему вполне удавалось. В моменты же действительно неизбежных огорчений и бед его светлости приходил на выручку собственный гений, и он умудрялся убедить себя в том, что любая тягостная необходимость, с которой ему пришлось столкнуться благодаря своей глупости или железной воле сына, являлась результатом его выбора и принятого мудрого решения. И пока Чарльз оказывал ему хотя бы видимость сыновнего почтения и уважения, он забывал о том, что бразды правления силой вырваны у него из рук. И хотя порой сыновнее уважение становилось вовсе уж призрачным, сии прискорбные обстоятельства длились недолго, и человеку столь сангвинического темперамента, как у него, было нетрудно изгнать их из памяти. Впрочем, он не держал на сына зла, хотя и полагал его нестерпимо унылым и скучным субъектом; поэтому при условии, что ему везет в азартных играх и не требуется принимать участие в неблагодарных трудах по содержанию своего молодого семейства, он оставался вполне удовлетворенным своей жизнью и судьбой.

Он наверняка подозревал о воцарившемся в его доме раздоре, поскольку именно просьба супруги оказать на Сесилию отцовское влияние вынудила его в спешном порядке ретироваться в Ньюмаркет¹³ не далее как две недели назад. Но ни хмурое выражение лица сына, ни покрасневшие глаза дочери не вызвали у него ни малейших вопросов или комментариев. Казалось, он получает искреннее наслаждение от долгой трапезы в обществе встревоженной супруги, уязвленной дочери и раздраженного сына. В конце концов лорд Омберсли заявил:

– Клянусь честью, как славно ужинать в столь уютном и тесном семейном кругу! Передайте повару, леди Омберсли, что утка мне очень понравилась. Положительно, так хорошо ее не готовят даже в «Уайтсе»¹⁴!

После чего он принялся пересказывать последние светские сплетни и учтиво поинтересовался, чем его дети изволили сегодня заниматься.

– Если ты имеешь в виду меня, папа, – ответила Сесилия, – то я провела его так, как и любой другой день. Вместе с мамой прошлась по магазинам, гуляла в Парке¹⁵ с сестрами и мисс Аддербери, а после музицировала.

Судя по ее тону, подобные развлечения не доставляли ей ни малейшего удовольствия, но лорд Омберсли воскликнул:

– Превосходно!

И перенес все внимание на супругу. Та рассказала ему о визите своего брата и о том, что он попросил ее присмотреть за Софией, на что лорд Омберсли дал любезное согласие, заявив, что ничего не может быть лучше, и поздравил дочь с тем, что ей необычайно повезло и она нежданно обзаведется очаровательной компаньонкой. Чарльз, которого безмерно раздражал учтивый эгоизм отца, неспособного проявить сочувствие к его сестре, угрюмо заявил, что у них пока нет причин полагать, что София окажется хотя бы обаятельной особой. На что лорд Омберсли возразил, что не имеет ни малейших сомнений на сей счет, и добавил, что все они должны приложить максимум усилий, дабы пребывание в их

¹³ Город, известный своим ипподромом и скачками.

¹⁴ Один из старейших клубов Лондона, где регулярно устраивали балы и праздники. «Уайтс» был первым настоящим английским клубом, который обладал собственным зданием, держал постоянную кассу и имел строгий устав. – *Примеч. ред.*

¹⁵ Имеется в виду Гайд-парк.

доме кухни стало для нее приятным времяпрепровождением. После этого он поинтересовался у Чарльза, собирается ли тот завтра на скачки. Чарльз, который знал, что упомянутые скачки проводятся под патронатом герцога Йорка, что неизбежно повлечет за собой несколько вечеров в Аутлендсе¹⁶ с приятелями этого веселого и общительного джентльмена, где они будут играть в вист по фунту за взятку, неодобрительно нахмурился и заявил, что съездит на несколько дней в поместье Омберсли-парк.

– Съезди, конечно! – жизнерадостно подхватил отец. – Я совсем забыл об этом дельце в Южном Хэнгере. Да-да, я хочу, чтобы ты им занялся, мой мальчик!

– Всенепременно, сэр, – вежливо ответил мистер Ривенхолл. Затем он перевел взгляд на сестру, сидевшую напротив, и предложил: – Хочешь составить мне компанию, Сесилия? Я с радостью возьму тебя с собой, если захочешь.

Девушка заколебалась. Брат протягивал ей оливковую ветвь мира; с другой стороны, он мог замыслить совершенно бесплодную попытку отвлечь ее от мыслей о мистере Фэнхоупе. Соображение о том, что в отсутствие Чарльза в городе она, при известной изворотливости, сможет встретиться с мистером Фэнхоупом, решило дело. Сесилия пожала плечами и сказала:

– Нет, покорно благодарю. Не знаю, что делать в деревне в такое время года.

– Кататься верхом вместе со мной, – предложил Чарльз.

– Я предпочитаю кататься в Парке. Если же тебе нужна компания, то почему бы не пригласить с собой детей: уверена, они с радостью согласятся.

– Как тебе будет угодно, – невозмутимо ответил он.

После ужина лорд Омберсли покинул семейный очаг. Чарльз, у которого на вечер не было запланировано никаких встреч, прошел с матерью и сестрой в гостиную и, пока Сесилия наигрывала на пианино, завел с матерью разговор по поводу визита Софии. К ее большому облегчению, он, похоже, смирился с необходимостью устроить хотя бы один скромный прием в ее честь, но настоятельно посоветовал матери не заниматься поисками подходящего супруга для своей племянницы.

– Мне решительно непонятно, почему мой дядя, позволив ей достигнуть такого возраста – двадцати лет, кажется? – и нисколько не утруждая себя этим вопросом ранее, вдруг возжелал убедить вас им заняться.

– Это в самом деле странно, – согласилась леди Омберсли. – Пожалуй, он и сам не заметил, как летит время. Двадцать! Она рискует остаться старой девой. Должна заметить, Гораций проявил поразительную небрежность! Но трудностей возникнуть не должно, потому что, насколько мне известно, она богатая наследница! Даже если София – настоящая дурнушка, чего я ни на миг не могу допустить, поскольку, согласись, Гораций – весьма привлекательный мужчина, а бедная Марианна была поразительно хороша собой, хотя, думаю, ты ее не помнишь; словом, даже если она некрасива, устроить для нее подходящую партию будет проще простого!

– Вполне возможно, но лучше, если вы предоставите это дело моему дяде, сударыня, – сказал он и больше не возвращался к этой теме.

В этот момент в комнату вошли школьники, сопровождаемые похожей на серую мышку мисс Аддербери, которую изначально нанимали для того, чтобы она взяла под свою опеку многочисленных отпрысков леди Омберсли, когда Чарльза и Марию сочли достаточно взрослыми для того, чтобы забрать их из-под ревнивого попечительства няни. Можно было ожидать, что двадцатилетнее пребывание под крышей почтенного дома, под крылышком любвеобильной и добродушной хозяйки, а также искренняя любовь ее подопечных давно излечили мисс Аддербери от излишней робости, но, увы, она по-прежнему оставалась все

¹⁶ Небольшая деревушка поблизости от Уэйбриджа в графстве Суррей.

такой же нервной и боязливой. Все ее достижения – каковые включали помимо глубоких знаний латыни, что позволило ей подготовить своих учеников к школе, умение пользоваться глобусом, всеобъемлющую подготовку в теории музыки, уверенную игру на фортепиано и арфе, равно как и мастерское владение кистью, способное удовлетворить самый взыскательный вкус, – не позволяли ей без внутреннего трепета входить в гостиную или на равных беседовать со своей хозяйкой. Вышедшие из-под опеки воспитанники мисс Аддербери находили ее застенчивость и стремление угождать всем и каждому утомительными, но при этом не могли забыть той доброты, которую она проявляла к ним во время занятий, отчего неизменно относились к ней не просто учтиво и вежливо, а с любовью и уважением. Поэтому Сесилия улыбнулась ей, а Чарльз поинтересовался:

– Ну, Адди, как у вас дела сегодня?

Эти незначительные знаки внимания заставили гувернантку порозоветь от удовольствия и, запинаясь, пробормотать что-то в ответ.

Подопечных у нее осталось всего трое, поскольку Теодор, самый младший из сыновей, недавно отправился в Итон. Селина, шестнадцатилетняя девица с острыми чертами лица, уселась на стульчик перед фортепиано рядом с сестрой; а Гертруда, в свои двенадцать лет уже соперничающая красотой с Сесилией, и Амабель, пухленькая десятилетняя девочка-подросток, набросились на брата, громко выражая свой восторг по поводу встречи с ним и еще громче напоминая Чарльзу об обещании сыграть с ними в лото, когда он в следующий раз проведет вечер в кругу семьи. Мисс Аддербери, которую леди Омберсли учтиво пригласила присесть рядом с ней у камина, невнятно запротестовала против столь бурного выражения девочками своих чувств. Она не надеялась, что они обратят внимание на ее неудовольствие, но с облегчением отметила, что леди Омберсли с ласковой улыбкой наблюдает за столпотворением вокруг Чарльза. В глубине души миледи жалела о том, что Чарльз, пользовавшийся у детей неизменной популярностью, не проявляет такой же доброты и понимания к другим своим брату и сестре, которые были ближе ему по возрасту. На Рождество в доме разыгралась отвратительная сцена, когда обнаружились оксфордские долги бедного Хьюберта...

Откуда ни возьмись появился карточный столик, и Амабель принялась раскладывать на его зеленом сукне перламутровые фишки. Сесилия попросила не рассчитывать на нее, и Селина, которая с удовольствием сыграла бы, но взяла себе за правило во всем следовать примеру сестры, заявила, что считает лото смертельно скучной игрой. Чарльз никак не отреагировал на ее слова, но, проходя мимо фортепиано к большому инкрустированному деревянному ларцу, чтобы достать оттуда карточки, наклонился к Сесилии и что-то негромко сказал ей на ухо. Леди Омберсли, с тревогой наблюдавшая за происходящим, не могла слышать, что он произнес, но у нее упало сердце, когда она заметила, что Сесилия покраснела до корней волос. Однако тут же поднялась со стула и подошла к столику, заявив, что так и быть, сыграет с ними партию-другую. Соответственно, тут же смиростивилась и Селина, и через несколько минут обе молодые леди шумели ничуть не меньше своих младших родственников и смеялись так самозабвенно, что сторонний наблюдатель наверняка счел бы, будто одна напрочь забыла о своем возрасте, а другая – об уязвленном достоинстве. Леди Омберсли смогла, наконец, отвести взгляд от стола и завела оживленную и приятную беседу с мисс Аддербери.

От Сесилии мисс Аддербери уже знала о грядущем приезде Софии и жаждала обсудить его с леди Омберсли. Она вполне разделяла чувства, которые предстоящее событие вызвало у миледи, поддержала ее сожаление о той печальной ситуации, в которой оказалась девочка, в пять лет оставшаяся без матери, согласилась с ее планами устройства и размещения Софии и, расстроившись при упоминании о беспорядочности ее воспитания, выразила уверенность, что она окажется милой и приятной девушкой.

– Я всегда знала, что могу на вас положиться, мисс Аддербери, – сказала леди Омберсли. – Теперь я буду спокойна!

Правда, мисс Аддербери понятия не имела, в чем миледи намерена на нее положиться, но уточнять обстоятельства постеснялась, что оказалось весьма кстати, поскольку и сама миледи об этом не догадывалась, пробормотав слова благодарности исключительно из желания сделать собеседнице приятное. Однако мисс Аддербери разразилась бессвязными восклицаниями:

– О, леди Омберсли! Это так мило... Так любезно! – И едва не расплакалась при мысли о том, какое высокое доверие оказано столь недостойной особе как она. Но больше всего она надеялась, что ее светлость никогда не узнает, какую змею она пригрела на своей груди, и горестно сожалела о нехватке решимости, которая не позволила ей устоять перед мольбами дорогой мисс Ривенхолл. Всего два дня тому назад она позволила молодому мистеру Фэнхоупу присоединиться к ним на прогулке в Грин-парке и – что еще хуже – не возразила против того, что он пристроился рядом с Сесилией. Да, леди Омберсли не обсуждала с гувернанткой несчастную влюбленность Сесилии, равно как и не приказывала ей давать отпор мистеру Фэнхоупу, но мисс Аддербери была дочерью священника (покойного, к счастью) самых строгих моральных принципов и сознавала, что подобное жалкое оправдание лишь усугубляет ее грех.

Эти горестные размышления были прерваны очередным замечанием ее светлости, которая понизила голос, глядя на карточный столик на другом конце комнаты.

– Я уверена, не нужно и говорить вам, мисс Аддербери, что мы изрядно обеспокоены одной из тех фантазий, которым так подвержены молодые девушки. Я больше ничего не добавлю, но вы поймете, почему я так рада приезду своей племянницы. Сесилия слишком долго оставалась одна, а ее сестры чересчур молоды, чтобы быть для нее подходящими компаньонками, каковой сможет стать новая кузина. Я надеюсь, что в стремлении сделать так, чтобы дорогая София почувствовала себя среди нас как дома, – осмелюсь утверждать, что бедная девочка непременно растеряется в окружении столь большой семьи, – и показать ей, как следует вести себя в Лондоне, Сесилии достанет забот, чтобы ее мысли приняли иное направление.

До сего момента мисс Аддербери не удосужилась взглянуть на сложившуюся ситуацию под таким углом, однако с радостью ухватила за эту идею и выразила горячую уверенность в том, что все выйдет именно так, как предполагает леди Омберсли.

– О да, непременно! – воскликнула она. – Именно так! Это очень снисходительно со стороны вашей светлости! Мне сообщила об этом событии дорогая мисс Ривенхолл; она такая чудесная девушка и непременно придет на помощь своей несчастной кузине! Когда вы ожидаете прибытия мисс Стэнтон-Лейси, дорогая леди Омберсли?

– Сэр Гораций не сообщил мне точных сведений на этот счет, – ответила леди Омберсли, – но, насколько я понимаю, он намеревался отплыть в Южную Америку немедленно. Поэтому, без сомнения, моя племянница прибудет в Лондон в самое ближайшее время. И уже завтра я прикажу экономке подготовить для нее комнату.

Глава 3

Но София прибыла на Беркли-сквер только на второй неделе пасхальных каникул. Единственной новостью, полученной ее тетей за прошедшие десять дней, стало короткое письмо от сэра Горация, извещавшее ее о том, что его миссия задерживается, но очень скоро она непременно увидит свою племянницу. Цветы, которыми Сесилия очень мило украсила комнату своей кухни, завяли, и их пришлось выбросить; а миссис Ладсток, дотошная и педантичная экономка, дважды проветривала постельное белье, пока, наконец, ясным весенним днем у дверей не остановилась карета, запряженная четверкой лошадей и изрядно забрызганная грязью.

Так случилось, что Сесилия и Селина вместе с матерью отправились прокатиться по Парку и вернулись домой всего пятью минутами ранее. Они втроем только-только собрались подняться по лестнице, когда вниз по ступенькам кубарем скатился мистер Хьюберт Ривенхолл и выпалил:

– Должно быть, прибыла наша кухня, поскольку на крыше кареты громоздится целая гора багажа! Но какой конь! Ей-богу, я еще не видел такого замечательного скакуна!

Выслушав столь необычную речь, все три леди в немом изумлении уставились на него. Дворецкий же, всего минуту назад удалившийся из холла, вновь величественно вплыл в него в окружении своих помощников и, ступая по мраморным плитам пола, направился к входной двери, с поклоном сообщив своей хозяйке, что, по его мнению, только что изволила прибыть мисс Стэнтон-Лейси. Его подчиненные распахнули дверь, и взорам трех дам предстал не только экипаж, но и любопытные, исполненные благоговейного трепета лица младших членов семейства, которые играли в крикет в сквере на площади, а теперь столпились у перил и, невзирая на увещевания мисс Аддербери, с разинутыми ртами глазели на животное, заставившее Хьюберта в такой спешке спуститься по лестнице.

Прибытие мисс Стэнтон-Лейси и впрямь получилось впечатляющим. Ее экипаж, запряженный четверкой взмыленных лошадей, сопровождали два всадника, а позади скакал грум средних лет, который вел в поводу превосходного вороного коня. Форейторы опустили подножку, дверца экипажа распахнулась, и оттуда выпрыгнула левретка, за которой мгновением позже последовала высокая сухопарая особа, державшая в руках дорожный несесер, три зонтика и птичью клетку. Наконец, на землю сошла и сама мисс Стэнтон-Лейси, поблагодарила ливрейного лакея за предложенную помощь, но вместо этого попросила его поддержать «бедного маленького Жако». Этим Жако оказалась обезьянка шимпанзе в ярком кафтане, и едва сей замечательный факт дошел до сознания школьников, как они протиснулись мимо своей ошеломленной и раздосадованной наставницы, распахнули садовую калитку и высыпали на дорогу с криками:

– Обезьянка! Она привезла с собой обезьянку!

Тем временем леди Омберсли, словно пригвожденная к месту на пороге собственного дома, с негодованием осознала, что описание дочери, данное высоким джентльменом крепкого телосложения, оказалось обманчивым и недостоверным. Маленькая Софи сэра Горация вымахала ростом в пять футов девять дюймов¹⁷ без каблуков, да и в остальном при рода одарила ее весьма щедро: длинные ноги, высокая грудь, веселое, жизнерадостное лицо и копна каштановых локонов, выбивающихся из-под самой изящной и франтоватой шляпки, которую когда-либо видели ее кухни. На ней была застегнутая под горло мантилья, с плеч ниспадал длиннющий соболий палантин, а руки прятались в соболиной муфте. Однако всю эту роскошь она тут же сбросила на руки второму лакею, чтобы приветствовать Амабель,

¹⁷ 179,8 см. – *Примеч. ред.*

которая первой подбежала к ней. Ошеломленная тетя наблюдала, как племянница грациозно присела перед маленькой девочкой и, взяв ее за руки, со смехом сказала:

– Да-да, я действительно твоя кузина София, но прошу тебя звать меня Софи. Когда меня называют Софией, я чувствую себя так, будто меня лишили благосклонности, а это очень неприятное ощущение. А теперь скажи мне, как зовут тебя?

– Амабель! Пожалуйста, можно мне поговорить с обезьянкой? – запинаясь, выговорила младшая мисс Ривенхолл.

– Конечно можно, потому что я привезла ее специально для тебя. Вот только будь с ней вежлива, потому что она очень робкая и пугливая.

– Вы привезли ее для *меня*? – ахнула Амабель, даже побледнев от восторга.

– Для всех вас, – ответила Софи, одаривая ласковой улыбкой Гертруду и Теодора. – И еще попугая. Наверное, вы любите домашних животных больше, чем игрушки и книжки? Со мной, например, дело обстояло именно так, и я подумала, что мы с вами можем быть похожи.

– Кузина! – вмешался Хьюберт, бесцеремонно прерывая восторженные уверения малышей, что новая родственница угадала их вкусы с точностью, какой они еще никогда не встречали у прочих взрослых. – Это *ваша* лошадь?

Она повернулась, глядя на него с присущей ей доброжелательной прямоотой. На губах ее по-прежнему играла улыбка.

– Да, это Саламанка. Он тебе нравится?

– Еще бы! Это испанский конь? Вы привезли его из Португалии?

– Кузина Софи, а как зовут вашу маленькую собачку? И что это за порода?

– Кузина Софи, а попугай умеет разговаривать? Адди, можно мы будем держать его в классной комнате?

– Мама, мама, кузина Софи привезла нам обезьянку!

Последний возглас, который издал Теодор, заставил Софи резко обернуться. Заметив свою тетю и еще двух двоюродных сестер, застывших в дверях, она быстро подошла к ступенькам и воскликнула:

– Дорогая тетя Элизабет! Прошу простить меня! Я как раз старалась подружиться с детьми! Здравствуйте, как поживаете? Я так счастлива оказаться у вас! Большое спасибо за то, что позволили мне приехать!

А леди Омберсли никак не могла прийти в себя. Перед ее внутренним взором таял образ застенчивой маленькой племянницы, но при этих словах она, неизменно прислушивающаяся к чужому мнению, с головой бросилась в круговорот событий, коих ранее и представить себе не смела. Схватив Софи за руку, миледи запрокинула голову, глядя в улыбающееся лицо племянницы, и срывающимся голосом воскликнула:

– Дорогая, милая Софи! Такая счастливая! Так похожа на своего отца! Добро пожаловать, дитя мое, добро пожаловать!

Эмоции захлестнули ее, и прошло несколько мгновений, прежде чем она справилась с собой и смогла представить Софи Сесилии и Селине. Софи восторженным взглядом окинула Сесилию и заявила:

– Ты и есть Сесилия? Какая красавица! А почему я тебя не помню?

Сесилия, растерянная и ошеломленная, тоже, как и мать, рассмеялась. Невозможно было заподозрить Софи в том, что она говорит подобные вещи только для того, чтобы сделать приятное. Она просто говорила то, что думала.

– Знаешь, я тоже тебя не помню! – парировала она. – Я представляла тебя смуглой маленькой кузиной, со сбитыми коленками и копной спутанных волос!

– Да, но я... Волосы, пожалуй, не спутанные, но коленки по-прежнему сбитые и уж точно смуглые! Я#то уж красавицей не стала, это точно! Сэр Гораций говорит, что я должна оставить всякую надежду и претензии на это – а уж *он-то* имеет право судить, знаешь ли!

Сэр Гораций был прав: Софи никогда не станет красавицей. Она была слишком высокой; нос и рот выглядели слишком большими, и выразительные серые глаза едва ли могли искупить эти недостатки. Вот только забыть Софи было невозможно, даже если не удалось бы воскресить в памяти овал ее лица или цвет глаз.

Она вновь повернулась к своей тете.

– Ваши люди покажут Джону Поттону, где он может поставить Саламанку в стойло, сударыня? Только на сегодняшнюю ночь! И его комнату, если можно. Все остальное я устрою сама, как только немного освоюсь на новом месте!

Мистер Хьюберт Ривенхолл заверил ее, что сам проводит Джона Поттона на конюшню. Софи улыбнулась и поблагодарила его, а леди Омберсли заявила, что у них найдется и место для Саламанки, и комната для грума, так что племянница может не забивать себе голову подобными вещами. Но Софи, очевидно, думала иначе, потому что быстро ответила:

– Нет-нет, мой конь ни в коем случае не станет для вас обузой, дорогая тетя! Сэр Гораций настоятельно рекомендовал мне самой позаботиться о нем, даже если придется обзавестись конюшней, что я и намерена сделать. Но на сегодняшнюю ночь это было бы очень любезно с вашей стороны!

От этих слов у ее тети голова пошла кру́гом. Что же это за племянница, которая покупает лошадей и конюшню, сама занимается обустройством и называет собственного отца сэром Горацием? Но от подобных размышлений ее отвлек Теодор, подбежавший к матери с испуганно прижимавшейся к нему обезьянкой на руках и потребовавший, чтобы она велела Адди разрешить отнести Жако в классную комнату, раз кухня Софи подарила ее им. При виде шимпанзе леди Омберсли шарахнулась в сторону и слабым голосом пролепетала:

– Родной мой, не думаю... О боже, что скажет Чарльз?

– Чарльз не такой лопух, чтобы бояться обезьянки! – объявил Теодор. – Мама, пожалуйста, скажи Адди, что мы можем оставить ее себе!

– В самом деле, Жако ведь не кусается! – вступилась за шимпанзе Софи. – Он прожил у меня целую неделю, и могу сказать, что это милейшее создание! Вы ведь не станете прогонять его, мисс... мисс Адди? Нет, что я говорю!

– Мисс Аддербери, но мы всегда называем ее Адди! – пояснила Сесилия.

– Здравствуйте! – сказала Софи, протягивая руку. – Простите меня! Это была неуместная дерзость с моей стороны, но я не знала! Прошу вас, позвольте детям оставить бедного Жако!

Разрываясь между испугом перед обезьянкой, которую сунули ей в руки, и желанием сделать приятное этой девушке, которая так ласково улыбалась ей и с искренним радушием протягивала руку, мисс Аддербери захлебнулась в потоке бессвязных восклицаний. Леди Омберсли заявила, что они должны спросить Чарльза, и это замечание моментально было истолковано как позволение отнести Жако в классную комнату, поскольку никто из детей не был о своем брате настолько плохого мнения, чтобы поверить в то, что он станет возражать против их нового домашнего любимца. После этого Софи провели в Голубую гостиную, где она немедленно сбросила своих соболей на кресло, расстегнула мантилью и избавилась от модной шляпки. Тетушка, ласково увлекая ее за собой на софу, поинтересовалась, не устала ли она с дороги и не желает ли освежиться.

– Нет, что вы! Благодарю вас, но я никогда не устаю, а эту поездку, которая оказалась скучной и однообразной, никак нельзя назвать *путешествием*! – ответила Софи. – Я должна была приехать к вам еще утром, но сначала мне пришлось заглянуть в Мертон¹⁸.

– Пришлось заглянуть в Мертон? – эхом откликнулась леди Омберсли. – Но зачем, милочка? У тебя там знакомые?

– Нет-нет, но так пожелал сэр Гораций!

– Дорогая моя, ты все время величаешь своего отца сэром Горацием? – поинтересовалась леди Омберсли.

В серых глазах заплясали смешинки.

– Нет, если я сержусь на него, то называю папой! – сказала Софи. – Это ему особенно не нравится! Бедняга, как досадно, что судьба обременила его долговязой дочерью, поэтому трудно ожидать, что он станет хорошо к этому относиться! – Заметив, что тетя с изумлением глядит на нее, она добавила с обезоруживающей прямоотой: – Вижу, вам это не нравится. Мне очень жаль, ведь на самом деле он прекрасный отец, и я очень его люблю! Но один из его принципов гласит, что пристрастность не должна мешать видеть недостатки тех, кого любишь.

Ошеломляющее предположение, что дочь следует поощрять в поисках недостатков у своего отца, повергло леди Омберсли в такой ужас, что она окончательно растерялась. Селина же, привыкшая во всем докапываться до сути, осведомилась, почему сэр Гораций пожелал, чтобы Софи непременно заехала в Мертон.

– Чтобы отвезти Санчию в ее новый дом, – пояснила Софи. – Вот почему меня сопровождает этот нелепый эскорт. Ничто на свете не может убедить бедную Санчию в том, что английские дороги не кишат бандитами и герильеро¹⁹ всех мастей!

– Но кто такая Санчия? – недоуменно поинтересовалась леди Омберсли.

– О, это маркиза де Виллаканас! Разве сэр Гораций не рассказывал вам о ней? Она вам понравится – нет, вы просто *обязаны* полюбить ее! Она весьма глупа и потрясающе ленива, подобно всем испанцам, но зато очень красива и добра! – Заметив, что тетя окончательно сбита с толку, Софи озабоченно нахмурилась, отчего ее прямые густые брови сошлись на переносице в одну линию. – Так вы ничего не знаете? Он не сообщил вам? Как это нехорошо с его стороны! Сэр Гораций намерен жениться на Санчии.

– *Что?* – ахнула леди Омберсли.

Софи подалась к ней, схватила ее за руку и ободряюще пожала:

– Да, это так, чему вы должны быть рады, если хотите знать, потому что она ему подходит как нельзя лучше. Она вдова, и при этом очень состоятельная.

– Испанка! – сказала леди Омберсли. – Он мне ни словом о ней не обмолвился!

– Сэр Гораций говорит, что объяснения его утомляют, – извиняющимся тоном сказала Софи. – Пожалуй, он побоялся, что они отнимут у него слишком много времени. Или, – добавила она, и глаза ее озорно блеснули, – понадеялся, что я сделаю это вместо него!

– Никогда не слышала ничего подобного! – заявила леди Омберсли, преисполнившись праведного гнева. – Как это похоже на Горация! И когда же, милочка, он намерен жениться на этой маркизе?

– Что ж, – серьезно сказала Софи, – пожалуй, именно поэтому он и не стал вам ничего объяснять. Сэр Гораций не может жениться на Санчии, пока не сбудет меня с рук. Ужасно неловкая ситуация для него. Бедняга! Я пообещала ему сделать все от меня зависящее, но я же *не могу* выйти за человека, которого не люблю! Он прекрасно понимает мои чувства и, надо отдать должное сэру Горацию, никогда не поступает опрометчиво!

¹⁸ Пригород Лондона; в настоящее время – один из районов британской столицы. – *Примеч. ред.*

¹⁹ Партизан, лесной разбойник (от исп. *guerra* – война).

Леди Омберсли была твердо уверена, что ее дочерям не подобает слушать такие речи, но не представляла, как может им помешать. Селина, все еще не оставившая надежды прояснить интересующий ее вопрос, спросила:

– А почему ваш папа не может жениться до того, как вы выйдете замуж, Софи?

– Из-за Санчии, – с готовностью пояснила ее кузина. – Она говорит, что ни за что на свете не станет моей мачехой.

Леди Омберсли была поражена в самое сердце.

– Бедное мое дитя! – воскликнула она и положила руку на колено Софи. – Ты такая храбрая, но мне можешь довериться! Она ревнует его к тебе, поскольку, полагаю, все испанцы ужасно ревнивы! Как это дурно со стороны Горация! Знай я об этом... Она, наверное, очень злая женщина, Софи? Она тебя невзлюбила?

Софи рассмеялась серебристым смехом:

– О, нет, нет, нет! Я уверена, что она ни к кому никогда не испытывала неприязни! Дело в том, что если она выйдет за сэра Горация, пока я остаюсь на его попечении, то все будут ожидать от нее материнской заботы, а для этого она слишком ленива! Кроме того, я ведь могу и дальше ухаживать за сэром Горацием, управлять его домом и всем прочим, к чему я привыкла за эти годы. Мы все это обговорили, и я не могла не согласиться, что в ее словах есть большая доля истины. Но что касается ревности, то нет! Она слишком красива, чтобы ревновать меня, и слишком мягка и добродушна для этого. Она говорит, что искренне привязалась ко мне, но делить со мной кров решительно не намерена. И я ее не виню: прошу вас, не думайте, будто я обижена!

– Мне она представляется весьма странной особой, – с неодобрением заявила леди Омберсли. – А почему она живет в Мертоне?

– О, сэр Гораций снял там для нее чудесную виллу! Она намерена жить в уединении, пока сэр Гораций не вернется в Англию. И все оттого, – со смешком добавила Софи, – что ей решительно нечем заняться. Она до обеда валяется в постели, в невероятных количествах поедает сладости, запоем читает романы и с радостью принимает тех своих друзей, кто готов проделать несколько миль, чтобы навестить ее. Сэр Гораций уверяет, что она самая спокойная из всех его знакомых женщин. – Софи наклонилась, чтобы погладить собачку, все это время лежавшую у ее ног. – За исключением Тины, разумеется! Дорогая сударыня, надеюсь, вы любите собак? Она очень хорошая и смирная, уверяю вас, и я просто не могу расстаться с нею!

Леди Омберсли уверила ее, что не питает предубеждения к собакам, зато решительно не расположена к обезьянам. Софи рассмеялась и сказала:

– О боже! Неужели я поступила дурно, привезя ее в подарок детям? Но когда я увидела Жако в Бристоле, он показался мне именно тем, что надо! А теперь, после того как я отдала его малышам, думаю, будет очень трудно убедить их от него отказаться.

Леди Омберсли склонялась к мысли, что это вообще невозможно, и поскольку тема была исчерпана, а многочисленные признания племянницы изрядно выбили ее из колеи, она предложила Сесилии проводить Софи наверх, в ее комнату, где она, без сомнения, захочет немного отдохнуть перед тем, как переодеться к ужину.

Сесилия с готовностью вскочила на ноги, собираясь в случае необходимости присоединить свой голос к словам матери. Впрочем, она не думала, что Софи захочет отдохнуть; того немногого, что она узнала о своей кузине, оказалось довольно, чтобы вызвать в ней уверенность, будто столь живая и общительная девушка редко нуждается в покое и отдыхе. Но ее влекло к Софи, и она хотела подружиться с ней как можно скорее. Поэтому, когда обнаружилось, что служанка Софи распаковывает в ее спальне чемоданы, она уговорила кузину отправиться поболтать в свою комнату. Селина, узнав, что ее не приглашают, обиженно надула губы, но ничего не сказала и ушла, утешая себя тем, что ей выпала на ред-

кость благодарная задача в подробностях пересказать мисс Аддербери все, о чем поведала им в Голубой гостиной Софи.

По натуре Сесилия была застенчивой, и хотя ей доставало холодной сдержанности, в избытке имевшейся у ее брата, излишней откровенностью она тоже не отличалась. Но уже через несколько минут она вдруг обнаружила, что изливает кухне душу, рассказывая о своих многочисленных горестях. Софи слушала ее с интересом и сочувствием, но постоянное упоминание имени мистера Ривенхолла, похоже, изрядно озадачило ее, и в конце концов она не выдержала:

– Прошу прощения, но разве этот Чарльз тебе не брат?

– Мой старший брат, – согласно кивнула Сесилия.

– Так и я думала. Но почему его мнение столь важно для тебя?

Сесилия вздохнула:

– Софи, скоро ты сама поймешь, что в этом доме ничего не делается без разрешения Чарльза. Это он отдает распоряжения, все организует и всем заправляет!

– Нет, давай-ка расставим точки над «i»! – настаивала Софи. – Ведь мой дядя еще не умер, так? Я уверена в этом, поскольку сэр Гораций не упоминал ни о чем подобном!

– О нет! Но папа... мне не следует говорить о нем дурно, к тому же я и сама толком ничего не знаю... но мне кажется, что бедный папа оказался в затруднительном положении. Собственно, я в этом уверена, потому что однажды застала маму в полном отчаянии. Она мне кое-что рассказала, так как очень расстроилась и не сознавала, что делает. В общем, она никогда и слова плохого о папе не говорила никому из нас – за исключением, пожалуй, Чарльза и, наверное, Марии, поскольку та теперь замужем. Однако потом умер мой двоюродный дедушка Мэттью, который оставил все свое состояние Чарльзу; я не совсем понимаю, что и как там вышло, но, по-моему, Чарльз что-то сделал с закладными. Как бы то ни было, бедный папа оказался полностью в его власти. И еще я уверена, что именно Чарльз платит за обучение Хьюберта и Теодора и к тому же погашает прежние долги – так мне сказала мама.

– Боже мой, как неловко, должно быть, в такой ситуации чувствует себя твой папа! – заметила Софи. – А кузен Чарльз представляется мне крайне неприятной личностью!

– Он просто *невозможен*! – подхватила Сесилия. – Иногда я думаю, что ему нравится заставлять всех вокруг страдать и мучиться, потому что ему жалко подарить нам даже капельку удовольствия; он думает только о том, как бы поскорее выдать нас за *респектабельных* и состоятельных мужчин, которые уже далеко не молоды, и строги, и серьезны, и вообще ни на что не способны, кроме как подцепить свинку!

Поскольку Софи была слишком умна, чтобы полагать, будто эта проникновенная и исполненная горечи речь является просто обобщением, она тут же потребовала от Сесилии рассказать ей подробнее о респектабельном мужчине, подцепившем свинку, и после недолгого колебания и многочисленных оговорок Сесилия поведала кухне не только о том, что к ней посватался лорд Чарлбери (хотя объявления о помолвке еще не было), но и описала ей досточтимого Огастеса Фэнхоупа так, что это могло бы показаться бредом сумасшедшего любому, кто не имел счастья быть лично знакомым с этим симпатичным молодым человеком. Но Софи уже встречалась с мистером Фэнхоупом, поэтому вместо того, чтобы уложить Сесилию в постель и дать ей успокоительного, она спокойно заметила:

– Да, это правда. Я никогда не видела лорда Байрона, но мне говорили, что он не идет ни в какое сравнение с мистером Фэнхоупом. Это самый привлекательный молодой человек из всех, кого я знаю.

– Ты знаешь Огастеса! – выдохнула Сесилия, прижимая обе руки к своей бурно вздымающейся груди.

– Я имею в виду, что знакома с ним. Кажется, в прошлом году мы танцевали пару раз на балах в Брюсселе. Он, случайно, не состоял на службе у сэра Чарльза Стюарта?

– Он был одним из его секретарей, но Огастес – поэт и, разумеется, не имеет склонности к предпринимательству или иному роду деятельности, что как раз больше всего и возмущает Чарльза! Ох, Софи, когда мы встретились, – это случилось в «Олмаксе»²⁰, и на мне было платье из нежно-голубого атласа, расшитое шелковыми бутонами роз и серебряной пряжей! – то стоило нам увидеть друг друга... Он уверил меня, что и с ним было то же самое! Разве могла я предположить, что столкнусь со столь яростным сопротивлением? Это же Фэнхоуп! По-моему, они поселились здесь сразу же после завоевания Англии норманнами, если не раньше! Если уж *меня* не интересуют такие вещи, как состояния и титулы, то какое дело до этого Чарльзу?

– Совершенно никакого, – сказала Софи. – Дорогая Сесилия, не плачь, пожалуйста, умоляю тебя! Лучше скажи мне вот что. Твоя мама возражает против брака с мистером Фэнхоупом?

– Дорогая мамочка сочувствует мне всей душой! – заявила Сесилия, послушно вытирая глаза. – Она сама мне об этом сказала, но ей никогда не достанет смелости возражать Чарльзу! Потому что он, Софи, главный в этом доме!

– Сэр Гораций *всегда* оказывается прав! – провозгласила Софи, поднимаясь и оправляя юбки. – Я просила его взять меня в Бразилию, потому что не представляла, чем займусь в Лондоне, где решительно нечего делать, кроме как развлекаться в доме своей тети! А он заверил меня, что я непременно найду себе какое-либо занятие и, как ты сама видишь, все верно рассчитал! Интересно, может, он заранее об этом знал? Моя дорогая Сесилия – о, я могу называть тебя Сеси? «Сесилия»! Какое труднопроизносимое имя! Итак, доверься мне! Ты впала в отчаяние, хотя для этого совершенно нет оснований! В сущности, в любом затруднительном положении нет ничего опаснее отчаяния! Человек начинает думать, что уже ничего нельзя поделать, хотя для того, чтобы все устроилось наилучшим образом, требуется лишь капелька решимости. А теперь я должна идти в свою комнату переодеться, иначе опоздаю к ужину, а что может быть неприятнее, чем опаздывающий к столу гость?

– Но скажи, Софи, что ты имеешь в виду? – выдохнула Сесилия. – Чем ты можешь мне помочь?

– Пока не знаю, но способ непременно найдется. Все, что ты мне только что рассказала, свидетельствует о том, что ты, как и все окружающие, погрузились в состояние уныния и подавленности! Твой брат! Боже милосердный, почему же вы позволили ему превратиться в такого тирана? Я бы ни за что не допустила, чтобы сэр Гораций обзавелся диктаторскими замашками, свойственными даже лучшим из мужчин, если женщины в их семьях оказываются настолько глупыми, что поощряют подобное! Это очень плохо для самих же мужчин, поскольку делает их страшными занудами! Чарльз ведь тоже смертельно скучен? Уверена, так оно и есть! Но не расстраивайся! Если он имеет склонность к заключению выгодных союзов, то пусть оглядится по сторонам в поисках подходящего мужа для меня, и это его отвлечет. Сеси, идем-ка вместе в мою комнату! Сэр Гораций пожелал, чтобы я выбрала мантилью для тебя и тети, и Джейн наверняка уже распаковала их. Как удачно, что я выбрала для тебя белый цвет! Сама я слишком смугла, чтобы носить белое, но тебя этот цвет сделает совершенно очаровательной!

И она увлекла Сесилию в свою спальню, где их ждали аккуратно завернутые в тонкую папиросную бумагу мантильи, одну из которых Софи немедленно отнесла в будуар

²⁰ Самый элитный лондонский клуб, основанный в 1765 году. Отличался от других клубов тем, что балы разрешалось посещать женщинам. Более того, именно из женщин состоял клубный совет, и дамы-патронессы «Олмакса» были истинными законодательницами английской моды. – *Примеч. ред.*

леди Омберсли, объявив, что сэр Гораций поручил ей преподнести этот подарок его дорогой сестре с заверениями в его любви. Леди Омберсли пришла в восторг от мантильи, этой роскошной черной вещицы, и была тронута (в чем она впоследствии призналась Сесилии) словами, сопровождавшими подарок. Разумеется, она им не поверила, но не смогла не отметить, что ее племянница сполна наделена предусмотрительностью и учтивостью.

К тому времени, как Софи сменила дорожный костюм на платье из бледно-зеленого крепа, по подолу украшенное богатой шелковой вышивкой и перехваченное в талии витым поясом с кисточками, Сесилия закончила свой туалет и уже ждала ее, чтобы сопроводить вниз, в гостиную. Софи пыталась застегнуть на шее жемчужное ожерелье, а ее сухопарая долговязая горничная, посоветовав ей не суетиться, старательно застегивала на пуговицы манжеты ее длинных и широких рукавов. Сесилия, одетая в весьма скромное, но очень милое платье из набивного муслина с широким голубым поясом, завистливо предположила, что платье Софи было сшито в самом Париже.

– Единственное, что меня утешает, – наивно добавила она, – оно очень не понравится Евгении!

– Боже милостивый, кто такая эта Евгения? – воскликнула Софи, разворачиваясь на изящной табуретке с резьбой и инкрустациями. – Почему оно должно ей не понравиться? Мне оно вовсе не кажется уродливым, а тебе?

– Мисс Софи, чтоб вас черти взяли, сидите *смирно*! – рявкнула Джейн Сторридж и встряхнула девушку.

– Нет, конечно! – ответила Сесилия. – Но Евгения никогда не носит модных платьев. Она говорит, что в жизни есть более важные вещи, чем одежда.

– Что за глупости! – фыркнула Софи. – Конечно есть, но не тогда, когда переодеваешься к ужину. Кто она такая?

– Мисс Рекстон. Чарльз с ней помолвлен, и несколько минут назад мама предупредила меня, что сегодня вечером Евгения ужинает с нами. В суматохе, связанной с твоим приездом, мы об этом совсем забыли. Пожалуй, она уже торчит в гостиной, поскольку славится исключительной пунктуальностью. Ты готова? Можем идти вниз?

– Если только моя дорогая Джейн немножко поторопится! – сказала Софи, протягивая горничной другую руку и лукаво глядя в нахмуренное лицо мисс Сторридж.

Горничная криво улыбнулась, но ничего не сказала. Ловко застегнув крошечные пуговички, она набросила на плечи хозяйки шитый золотом шарф и выразила свое одобрение едва заметным кивком. Софи наклонилась и поцеловала ее в щеку, сказав при этом:

– Большое спасибо! А теперь ложись в постель и даже не мечтай о том, что я позволю тебе раздеть меня, потому что этого не будет! Спокойной ночи, дорогая Джейн!

Сесилия, пораженная до глубины души, спросила, когда они спускались по лестнице:

– Полагаю, она давно живет с тобой? Боюсь, мама будет неприятно поражена, если увидит, как ты целуешь служанку!

Софи недоуменно приподняла брови:

– В самом деле? Джейн была горничной моей матери, а после ее смерти стала нянчить меня. Надеюсь, мне удастся не совершать ничего такого, что неприятно поразит мою тетю.

– О! Разумеется, она отнесется с пониманием, учитывая обстоятельства! – поспешно заверила ее Сесилия. – Просто это выглядит очень странно, знаешь ли!

Упрямые огоньки, вспыхнувшие в ясных глазах кузины, говорили о том, что ей не понравилась критика ее поведения, но поскольку они уже подходили к двери гостиной, то она сочла за лучшее промолчать и позволила проводить себя в комнату.

Вокруг камина сидели леди Омберсли, два ее старших сына и мисс Рекстон. Все они обернулись на звук открываемой двери, и двое джентльменов встали; Хьюберт посмотрел

на Софи с нескрываемым восхищением, а Чарльз окинул гостью весьма критическим взглядом.

– Входи же, дорогая Софи! – доброжелательно приветствовала племянницу леди Омберсли. – Видишь, я уже надела вместо шали твою прекрасную мантилью! Какое изумительное кружево! Оно привело мисс Рекстон в восхищение. Позволь представить тебе мисс Стэнтон-Лейси, моя дорогая Евгения. Сесилия уже должна была сообщить тебе, Софи, что вскоре, к нашей общей радости, мисс Рекстон станет членом нашей семьи.

– Да, разумеется! – с улыбкой ответила Софи и протянула руку. – Желаю вам счастья, мисс Рекстон, как и моему кузену. – Коротко пожав вялую ладонь мисс Рекстон, она повернулась к Чарльзу и протянула ему руку. – Здравствуйте!

Он ответил ей рукопожатием и обнаружил, что она разглядывает его не менее критически, чем он ее. Это одновременно и удивило, и позабавило его, отчего он улыбнулся.

– Как поживаете? Не стану уверять, будто прекрасно вас помню, кузина, поскольку уверен: у нас обоих сохранились друг о друге весьма смутные воспоминания!

Она рассмеялась:

– Истинная правда! Даже тетя Элизабет не узнала меня! Кузен – Хьюберт, верно? – скажите мне, будьте любезны, о Саламанке и Джоне Поттоне! Оба устроены благополучно?

Она шагнула в сторону, чтобы поговорить с Хьюбертом, и леди Омберсли, с тревогой наблюдавшая за старшим сыном, с облегчением отметила, что он смотрит на Софи вполне дружелюбно и даже одобрительно. На его губах играла легкая улыбка, и он продолжал наблюдать за Софи до тех пор, пока его внимание не отвлекла невеста.

Досточтимая Евгения Рекстон была стройной молодой женщиной, чуть выше среднего роста, которая привыкла к тому, что ее называют высокой и элегантной. У нее были благородные черты лица, и в целом она производила впечатление симпатичной особы, разве что чуточку бесцветной. Одета она была приличествующим случаю образом, хотя и очень скромно: в платье сизого крепа, строгий цвет которого недвусмысленно свидетельствовал о том, что она носит траур. Волосы ее, уложенные в высокую прическу, отличал цвет, средний между каштановым и золотистым. Руки и ноги у нее были узкими, а грудь – довольно худой, хотя и редко выставяемой на обозрение, поскольку ее матушка решительно возражала против корсажей с низким вырезом (как, например, тот, что украшал платье мисс Стэнтон-Лейси). Она была дочерью графа и, хотя старалась не гордиться этим публично, прекрасно сознавала свое высокое происхождение. У нее были изящные манеры, и она искренне стремилась к тому, чтобы в ее обществе люди чувствовали себя легко и непринужденно. Евгения вознамерилась проявить особенную снисходительность по отношению к Софи, но когда встала пожать ей руку, то обнаружила, что смотрит ей в лицо снизу вверх, а в таком положении трудно проявлять снисхождение. На мгновение она даже рассердилась, но тут же взяла себя в руки и со спокойной улыбкой негромко обратилась к Чарльзу:

– Какая высокая эта мисс Стэнтон-Лейси! Рядом с ней я чувствую себя карлицей!

– Даже слишком высокая, – согласился он.

Она не могла не радоваться тому, что кузина явно не привела его в восторг, поскольку, даже рассмотрев, что Софи далеко не столь красива, как она сама, у мисс Рекстон сложилось стойкое убеждение, что она столкнулась с яркой и удивительной молодой женщиной. Теперь она признала, что ее ввели в заблуждение большие и ясные глаза Софи; а вот остальные ее черты были не столь замечательны. Евгения произнесла:

– Пожалуй, но совсем немного; в остальном же она очень мила.

Софи тем временем подошла к тете и присела рядом с ней, и только тогда Чарльз заметил маленькую, словно игрушечную, левретку, старательно жавшуюся к юбкам своей хозяйки и явно испуганную таким количеством незнакомых людей. Удивленно подняв брови, он сказал:

– Кажется, у нас две гостьи. Как ее зовут, кухня?

Он опустил руку, подзывая к себе собачку, но Софи ответила:

– Тина. Боюсь, она не пойдет к вам, поскольку очень застенчива.

– О, пойдет, да еще как! – отозвался он и щелкнул пальцами.

Софи почувствовала, что ее раздражает холодная самоуверенность Чарльза, но, увидев, что он оказался прав и ее левретка кокетливо предлагает ему свою дружбу, простила его, решив, что он не может быть настолько плохим, как его изобразили.

– Какое славное маленькое создание! – приветливо заметила мисс Рекстон. – Обычно я неодобрительно отношусь к животным в доме – моя мама, дорогая леди Омберсли, не соглашается иметь даже кошку, – но уверена, что ваша собачка станет исключением.

– А нашей маме очень нравятся домашние собаки, – сообщила Сесилия. – У нас всегда живет какая-нибудь, правда, мама?

– Толстые и перекормленные мопсы, – уточнил Чарльз, недовольно глядя на мать. – Должен признаться, что предпочитаю эту элегантную леди.

– О, это еще не самое замечательное животное из домашних любимцев кухни Софи! – провозгласил Хьюберт. – погоди, Чарльз, скоро ты увидишь, кого еще она привезла с собой из Португалии!

Леди Омберсли беспокойно заерзала, поскольку не успела сообщить старшему сыну о том, что отныне в классной комнате поселилась обезьянка в красном кафтане. Но Чарльз ограничился тем, что сказал:

– Насколько я понимаю, кухня, вы привезли с собой коня. Хьюберт только о нем и говорит. Испанских кровей?

– Да, и выдрессирован мамелюками²¹. Он очень красив.

– Держу пари, кухня, что вы первоклассная наездница! – воскликнул Хьюберт.

– Не знаю. Но мне часто приходилось ездить верхом.

В этот момент отворилась дверь, но не для того, чтобы, как ожидала леди Омберсли, впустить ее дворецкого с докладом, что ужин подан. В комнату вошел ее супруг, сообщив, что должен взглянуть на свою маленькую племянницу перед тем, как отправиться в «Уайтс». Леди Омберсли полагала, что он и так поступил невежливо, решив пропустить домашний ужин в честь мисс Рекстон, а тут еще пришлось терпеть его небрежно-непринужденное поведение, но она постаралась ничем не выдать своего раздражения, ограничившись тем, что заметила:

– Как видишь, любовь моя, она не такая уж и маленькая.

– Боже правый! – воскликнул его светлость, когда Софи поднялась с места, чтобы приветствовать его. Он рассмеялся, обнял ее и сказал: – Так-так-так! А ты почти такая же высокая, как и твой отец, дорогая моя! Дай-ка взглянуть на тебя! И дьявольски похожа на него!

– Мисс Рекстон, лорд Омберсли, – с упреком сказала его жена.

– Э! О да, здравствуйте! – бросил его светлость, одарив мисс Рекстон благосклонным кивком. – Я считаю вас членом семьи, так что предпочитаю обходиться без церемоний. Пойдем, присядем вместе, Софи, и ты расскажешь мне, как поживает твой отец.

Затем он увлек племянницу на софу и завел с ней оживленный разговор, вспоминая всякие забавные случаи тридцатилетней давности, от души смеясь над ними и имея вид человека, начисто позабывшего о том, что собирался ужинать в клубе. Он всегда благосклонно относился к симпатичным молодым женщинам, а если они помимо очарования обладали еще и живостью характера, точно угадывая, как он намерен флиртовать с ними, то милорд

²¹ Военная каста в средневековом Египте, состоявшая из юношей-рабов тюркского и кавказского происхождения. Юноши обращались в ислам, обучались арабскому языку и тренировались в лагерях-интернатах для несения военной службы.

получал истинное наслаждение от пребывания в их обществе и отнюдь не спешил с ними расставаться. Дассет, несколько минут назад заглянувший в гостиную, чтобы объявить о том, что ужин подан, моментально оценил обстановку и, обменявшись взглядами с хозяйкой, удалился, чтобы распорядиться насчет еще одного прибора за столом. Когда он вернулся и доложил, что все готово, лорд Омберсли воскликнул:

– Что такое? Наступило время ужина? В таком случае я все-таки останусь дома!

Он предложил руку Софи, самым замечательным образом проигнорировав мисс Рекстон, которая по праву могла первой рассчитывать на его внимание, и, когда они уселись за стол, потребовал, чтобы племянница объяснила ему, какая блажь ударила в голову ее отцу, погнав его в Перу.

– Не в Перу, а в Бразилию, – поправила дядюшку Софи.

– Это почти одно и то же, моя дорогая, – такая же несусветная глушь! Не знаю никого, кто так же много странствовал бы по свету! Этак он в следующий раз отправится в Китай!

– Нет, в Китай отбыл лорд Амхерст, – сказала Софи. – Еще в феврале, если я не ошибаюсь. А в Бразилии потребовалось присутствие сэра Горация, потому что он хорошо разбирается в португальских делах и, как все надеются, сможет убедить регента вернуться обратно в Лиссабон. Видите ли, маршал Бересфорд²² растерял всю свою прежнюю популярность. Ничего удивительного! Он понятия не имеет, как располагать к себе людей и внушать им доверие. К тому же он начисто лишен такта.

– Маршал Бересфорд, – сообщила Чарльзу мисс Рекстон своим хорошо поставленным голосом, – друг моего отца.

– Тогда вы должны простить меня за то, что я сказала, будто он лишен такта, – тут же заявила Софи и едва заметно улыбнулась. – Хотя это и правда, никто не сомневается в том, что ко всему прочему он обладает многочисленными достоинствами. Очень жаль, что он так оплошал и выставил себя на посмешище.

При этих ее словах лорд Омберсли и Хьюберт рассмеялись, мисс Рекстон ощутило напряглась, а Чарльз метнул на кухню недовольный взгляд, словно был вынужден изменить свое первоначально благоприятное мнение о ней. Его невеста, которая неизменно вела себя сухо и чопорно, как того требовали строгие правила приличия, не могла, разумеется, заставить себя вести разговор через стол, и продемонстрировала превосходство своего воспитания, проигнорировав неуместное замечание Софи и заговорив с Чарльзом о Данте, уделяя особое внимание переводу мистера Кэрри. Он вежливо слушал ее, но когда Сесилия, следуя чуждому условностям примеру своей кухни, присоединилась к их беседе, заявив, что отдает предпочтение лорду Байрону, он не сделал попытки осадить ее, а, напротив, обрадовался тому, что она приняла участие в дискуссии. Софи горячо одобрила вкус Сесилии, заявив, что ее собственный экземпляр «Корсара»²³ зачитан буквально до дыр и скоро распадется на отдельные странички. Мисс Рекстон заметила, что ничего не может сказать относительно достоинств поэмы, так как ее матушка не держит в доме произведений его светлости. Поскольку скандальный разлад в семейной жизни лорда Байрона живо обсуждал весь город, ходили упорные слухи, что, вняв настойчивым уговорам друзей, он намеревается покинуть страну, и после замечания мисс Рекстон дальнейший разговор на эту тему мог показаться неприятно вульгарным и сомнительным. Поэтому все испытали облегчение, когда Хьюберт, заявив, что на дух не переносит поэзию, принялся взахлеб расхваливать недавно прочитанный новый роман – «Уэверли»²⁴. И вновь мисс Рекстон не смогла поразить собравшихся

²² Уильям Карр Бересфорд (1768–1856) – виконт, английский генерал, маршал Португалии.

²³ Поэма лорда Д. Г. Байрона, написанная в 1814 году, являющая собой образец байроновского романтизма.

²⁴ «Уэверли, или Шестдесят лет назад» – исторический роман Вальтера Скотта, вышедший в свет в 1814 году. Он стал так популярен, что все последующие произведения Вальтера Скотта публиковались как романы «от создателя “Уэверли”».

своим просвещенным мнением, снисходительно заметив, что, на ее взгляд, упомянутый роман отнюдь не является чем-то выдающимся. В разговор вмешался лорд Омберсли, высказавшийся в том духе, что все они, дескать, чересчур уж увлекаются всякими новинками, тогда как для него и «Руководство для любителей скачек» Раффа является вполне заслуживающим внимания чтением. Он отвлек Софи от общего разговора, забросав ее вопросами о своих старых приятелях, которые сейчас украшали своим присутствием самые разнообразные посольства и которых она могла знать.

После ужина лорд Омберсли в гостиной уже не появился: «зов фараона»²⁵ оказался слишком силен, чтобы он мог его проигнорировать. Со стороны мисс Рекстон было очень мило предложить разрешить детям сойти вниз, и она добавила, одарив Чарльза ангельской улыбкой, что еще не имела счастья повидаться со своим маленьким другом Теодором после того, как он вернулся домой на пасхальные каникулы. Однако когда ее маленький друг наконец явился, на плече у него сидел Жако, отчего она испуганно вжалась в кресло и разразилась протестующими возгласами.

Итак, наступил ужасный момент истины, и (как с горечью отметила леди Омберсли) благодаря прискорбному неумению мисс Аддербери справиться со своими юными подопечными, случился он в самое неподходящее время. Чарльз, поначалу радостно изумленный, быстро опомнился при виде явного неодобрения, выказанного мисс Рекстон. Он заявил, что каким бы желанным гостем ни считалась в классной комнате обезьянка – кстати, этот вопрос еще предстояло обсудить, – но ее присутствие в гостиной матери было решительно неуместно; после чего тоном, не допускающим возражений, велел Теодору унести ее прочь. Мальчик сердито насупился, и на мгновение его мать испугалась, что станет свидетельницей ужасной сцены. Но скандалу не дала разразиться Софи, заявившая:

– Да, отнеси ее наверх, Теодор! Мне следовало бы предупредить тебя, что больше всего на свете Жако не любит больших компаний! И поспеши, пожалуйста, потому что я намерена показать тебе одну очень занятную игру в карты, которой научилась в Вене!

С этими словами она вытолкала мальчика из комнаты и поспешно закрыла за ним дверь. Обернувшись и заметив, что Чарльз вперил в нее ледяной взгляд, она сказала:

– Я вызвала ваше неудовольствие тем, что привезла детям домашнего любимца, который вам не понравился? Уверю, обезьянка совершенно безобидна, и вы можете ее не бояться.

– Я нисколько ее не боюсь! – коротко бросил Чарльз. – Было чрезвычайно любезно с вашей стороны подарить ее детям!

– Чарльз! Чарльз! – воскликнула Амабель, дергая брата за рукав. – А еще она привезла нам попугая, и он так замечательно разговаривает! Вот только Адди все время накрывает клетку шалью, уверяя, что разговаривать его научили ужасные грубые моряки. Скажи ей, чтобы она этого не делала!

– О боже, я окончательно погибла! – с комическим ужасом вскричала Софи. – А ведь продавец *обещал* мне, что несносная птица не скажет ничего такого, что заставило бы слушателей краснеть! И что же теперь делать?

Но Чарльз лишь рассмеялся и произнес:

– Ты должна каждый день читать ему коллекту²⁶, Амабель, чтобы наставить его на путь истинный. Кузина, дядя Гораций заверил нас, что вы – скромная маленькая девочка, которая не доставит нам никаких неприятностей. Вы здесь еще и дня не были, и мне страшно представить, что вы натворите к концу недели!

²⁵ Карточная игра.

²⁶ В католическом и лютеранском богослужении (латинского обряда) краткая молитва, читаемая обычно в начале мессы и передающая в сжатой форме смысл текущего дня или праздника.

Глава 4

Нельзя сказать, что устроенный леди Омберсли ужин в кругу семьи оказался таким уж удачным, но он побудил присутствующих к некоторым размышлениям. Мисс Рекстон, которая воспользовалась представившимся случаем, когда остальная компания собралась за карточным столом (где каждый играл за себя), чтобы сблизиться с будущей свекровью и побеседовать с ней с глазу на глаз, возвращалась домой в твердом убеждении, что, сколь бы мало ни было вреда от Софи, воспитывали ее чрезвычайно дурно и она нуждается в тактичном наставлении. Она заверила леди Омберсли в своем искреннем сожалении по поводу того, что постигшее ее семью горе вынудило отложить их с Чарльзом свадьбу, поскольку она искренне полагает, что могла бы оказать своей свекрови значительную моральную поддержку и утешение в ее нынешних невзгодах. Когда же леди Омберсли с некоторым вызовом возразила, что отнюдь не считает визит племянницы невзгодой, мисс Рекстон улыбнулась ей с таким видом, словно давала понять, что одобряет стремление будущей свекрови выглядеть независимо и доброжелательно. Сжав ее руку, она сообщила, что с нетерпением ждет того момента, когда сможет избавить леди Омберсли от многих обязанностей, тяжелой ношей лежащих на ее плечах. Поскольку это могло означать только то, что молодая пара намерена занять целый этаж семейного особняка, леди Омберсли погрузилась в пучину глубокого отчаяния. В подобных планах не было ничего необычного, но леди Омберсли могла бы перечислить множество примеров, когда они привели к краху, как в доме Мельбурнов. Мисс Рекстон наверняка не создаст невыносимую атмосферу в особняке Омберсли своими истерическими выходками или отвратительными скандалами, но подобные соображения служили леди Омберсли слабым утешением. Столь же невыносимой, как и безумное поведение леди Каролины Лэм²⁷, для нее станет твердая решимость мисс Рекстон во что бы то ни стало оказать благотворное влияние на своих молодых деверей и золовок, равно как и убеждение, что ее долг в том и состоит, чтобы взвалить на свои плечи сию обременительную ношу, которая вовсе не была в тягость самой леди Омберсли.

Чарльз, у которого по окончании вечера состоялся серьезный разговор с невестой, прежде чем он помог ей подняться в экипаж, отправился к себе в спальню со смешанными чувствами. Он не мог не признать справедливость критики Евгении, но ему как человеку прямолинейному пришлась по душе открытая и искренняя манера поведения Софи, и он упрямо отказывался признать, что она важничает и самым неподобающим образом выставляет себя напоказ. Он вовсе не думал, будто она задирает нос и берет на себя слишком много, хотя и не мог объяснить, почему с ее появлением атмосфера в доме существенно изменилась. А в том, что это ее заслуга, он не сомневался, причем вряд ли ему это нравилось.

Что же до самой Софи, то она отправилась к себе с ощущением, что ей тоже есть о чем поразмыслить, причем намного больше, чем гостеприимным хозяевам. Она была уверена, что в доме далеко не все гладко. Сесилия винила во всем Чарльза, и, разумеется, небезосновательно. Но Софи не была юной барышней, только что вышедшей из пансиона, и ей понадобилось всего несколько минут, чтобы разобраться в характере лорда Омберсли. Вне всякого сомнения, и здесь на Чарльзе лежала львиная доля ответственности, а поскольку остальные члены семьи попросту боялись его, то в том, что он, упрямый и властный от природы, не встречая достойного сопротивления, превратился в домашнего тирана, не было ничего удивительного. Софи не верила в безнадёжность его характера, и не только потому, что с ним подружилась Тина, но и потому, что он разительно изменился, едва рассмеявшись. Пока что

²⁷ Каролина Лэм, более известная как леди Каролина Лэм (1785–1828) – британская аристократка и писательница, известная своим романом с лордом Байроном. Ее мужем был Уильям Лэм, второй виконт Мельбурн.

самым плохим его поступком был выбор будущей жены – исключительно скучной и унылой особы. Она испытывала сожаление оттого, что столь многообещающий молодой человек готов был связать судьбу с той, кто будет потворствовать самым невыносимым и отвратительным чертам его характера.

Софи решила, что о детях, пожалуй, волноваться не стоит, хотя острый ум подсказывал ей, что с мистером Хьюбертом Ривенхоллом не все в порядке. Она подозревала, что его гнетет какая-то тайная тревога, о которой Хьюберту удавалось ненадолго забывать, когда он восхищался Саламанкой или играл в карты с младшими братьями и сестрами. Но когда его не занимали подобные заботы, беспокойство возвращалось, и он замолкал до тех пор, пока кто-нибудь не обращал на него внимания, и тогда юноша моментально принимался болтать без умолку, что, похоже, вполне устраивало его родственников. Софи, судя по собственному опыту общения с молодыми офицерами, была склонна полагать, что он попал в какую-нибудь глупую историю, на деле куда менее серьезную, чем ему представлялось. Разумеется, было бы лучше, если бы он рассказал о ней старшему брату, потому что никто, глядя на мистера Ривенхолла, ни на миг не усомнился бы в том, что он способен справиться с любыми неприятностями. Но поскольку Хьюберт явно боялся подобного шага, то было бы неплохо убедить его довериться своей кузине.

А Сесилия, такая милая и столь же незащищенная! Вот ее судьбу устроить будет куда труднее, хотя Софи, воспитанная в совсем других правилах, и полагала ужасной несправедливостью, что девушку заставляют выйти замуж против ее воли, при этом она вовсе не намеревалась поощрять дальнейшие притязания Огастеса Фэнхоупа. Обладая практичным складом ума, она не могла рассчитывать, что из мистера Фэнхоупа выйдет хороший муж. У него не было решительно никаких средств для содержания семьи, и к тому же под влиянием очередного посещения своей музы он был склонен забывать о таких приземленных вещах, как приглашение на ужин или доставка важной корреспонденции. Однако даже таким он выглядел куда предпочтительнее мужчины средних лет, умудрившегося подцепить свинку. Поэтому если страсть Сесилии к Огастесу окажется не просто влюбленностью, ее друзьям придется побеспокоиться о том, чтобы подыскать ему какую-нибудь презентабельную и хорошо оплачиваемую должность, на которой его смазливая внешность и очаровательные манеры будут важнее сумасбродных привычек. Софи долго пыталась придумать, что это может быть за место, и сама не заметила, как заснула.

В особняке Омберсли-хаус завтрак подавали в гостиной в задней части дома. В девять часов за столом сидели всего три дамы, поскольку лорд Омберсли, привыкший вести ночной образ жизни, никогда не покидал свою комнату раньше полудня, а двое его старших сыновей позавтракали часом ранее и отправились на верховую прогулку в Парк.

Леди Омберсли, состояние здоровья которой делало ночной отдых редким удовольствием, постаралась использовать бессонницу с пользой, планируя всевозможные развлечения для племянницы. Окуная гренку в чай, она предложила устроить вечерний прием с танцами. Глаза Сесилии радостно вспыхнули, но тут же погасли, когда она скептически заявила:

– Если только Чарльз позволит!

– Родная, ты же знаешь, что Чарльз отнюдь не возражает против скромных увеселений. Несомненно, я вовсе не имею в виду, что мы дадим шумный и роскошный бал!

Софи, с ужасом наблюдавшая за тем, как томно и медлительно тетушка поглощает гренки с чаем, позволила себе вмешаться:

– Дорогая сударыня, я бы предпочла, чтобы вы не утруждались ради меня и не вводили себя в расходы!

– Я твердо намерена устроить в твою честь званый вечер, – решительно заявила леди Омберсли. – Я обещала это твоему отцу. Кроме того, я и сама не чужда развлечениям. Уверяю тебя, обычно мы ведем далеко не столь размеренный и скромный образ жизни, как сей-

час. Когда я вывозила в свет мою дорогую Марию, мы дали бал, два раута, венецианский завтрак²⁸ и маскарад! Но тогда, – со вздохом добавила она, – еще была жива бедная кузина Матильда, и именно она рассылала все пригласительные билеты и заказывала угощение в «Гунтерсе»²⁹. Я очень скучаю по ней: она скоропостижно скончалась от воспаления легких.

– Да, но если все это доставляет вам такое беспокойство, сударыня, умоляю, забудьте об этом! – сказала Софи. – Уверяю, мы с Сесилией прекрасно справимся сами, а вам совершенно ничего не придется делать, разве что выбрать себе платье и принимать гостей.

Леди Омберсли устала на нее в полной растерянности.

– Но, милочка, ты же не можешь заниматься этим сама!

– Еще как могу! – ответила Софи и ласково улыбнулась тете. – Я ведь устраивала все вечера и приемы сэра Горация с тех пор, как мне исполнилось семнадцать! Кстати, я только что вспомнила об одной вещи, которую должна сделать немедленно! Где мне найти «Банк Хоара»³⁰, тетя Лиззи?

– Найти «Банк Хоара»? – тупо переспросила леди Омберсли.

– Ради всего святого, зачем *он* тебе понадобился? – спросила Сесилия.

Софи даже удивилась.

– Как это зачем? Чтобы предъявить им доверенность сэра Горация, зачем же еще? – ответила она. – Я должна побывать там как можно скорее, иначе сама окажусь в затруднительном положении. – Заметив, что тетя и кузина по-прежнему пребывают в полном недоумении, она выразительно приподняла брови. – Что я такого сказала? – осведомилась она с изумлением, к которому примешивалась досада. – Неужели вы не слышали о «Банке Хоара»? Сэр Гораций держит в нем свои сбережения!

– Да, дорогая, я понимаю, но ведь у *тебя* нет счета в банке! – запротестовала леди Омберсли.

– Увы, нет! И это очень печально! Но мы договорились, что я могу снимать деньги со счета сэра Горация для своих надобностей. И для оплаты домашних расходов, разумеется, вот только сейчас у нас нет дома, – пояснила Софи, щедро намазывая маслом четвертый ломтик хлеба.

– Милая моя! Но молодые девушки *никогда*... Я сама ни разу в жизни не была в банке своего супруга! – растерянно заявила леди Омберсли.

– Нет? – удивилась Софи. – Очевидно, он предпочитает сам оплачивать свои счета? Но сэр Горация ничто не раздражает так сильно, как постоянное обращение к нему за деньгами! Он еще несколько лет назад обучил меня банковским премудростям, и с тех пор мы живем весьма довольные друг другом. – Она наморщила лоб. – Надеюсь, Санция тоже овладеет этим искусством. Бедняжка! Он будет очень раздосадован, если ему самому придется изучать счета и выплачивать жалованье.

– Никогда не слышала ни о чем подобном! – объявила леди Омберсли. – Право слово, Гораций... Но не будем об этом! Дорогое дитя, тебе не понадобится снимать со счета деньги, пока ты живешь со мной!

Софи не могла не рассмеяться, столкнувшись с твердой убежденностью тети в том, что «Банк Хоара» является обителью порока, но ограничилась тем, что сказала:

– Нет, непременно понадобится! Вы и понятия не имеете, насколько дорого обходится мое содержание, сударыня! И сэр Гораций строго-настрого предупредил меня о том, что я не должна становиться для вас обузой.

²⁸ Прием, который начинается днем и продолжается до позднего вечера.

²⁹ Знаменитая чайная и кафе на Беркли-сквер в Лондоне, открытая на месте лавки сладостей в 1757 году. Просуществовала до 1956 г.

³⁰ Английский частный банк, старейший в Соединенном королевстве. Основан в 1672 году сэром Ричардом Хоаром, лорд-мэром Лондона.

Сесилия с округлившимися от изумления глазами спросила:

– Разве твой отец не ограничивает тебя в тратах?

– Нет. Да и как он может это делать, находясь вне пределов досягаемости и не имея представления о том, что мне может понадобиться, причем немедленно? Он знает, что я не стану залезать в долги и жить не по средствам. Но я не намерена докучать вам обсуждением своих дел! Просто подскажите мне, в какой части города находится «Банк Хоара».

К счастью, поскольку ни одна из дам не имела ни малейшего представления о местонахождении банка, в эту минуту в комнату вошел мистер Ривенхолл. На нем был костюм для верховой езды, и он заглянул в гостиную только для того, чтобы узнать у матери, нет ли у нее поручений, которые он мог бы выполнить в Сити. Таковых у нее не оказалось, но миледи не преминула (несмотря на его вероятное неодобрение) поведать ему о нелепом желании Софи посетить «Банк Хоара». Он воспринял эту новость с видимым хладнокровием и даже глазом не моргнул, узнав о том, что она имеет полное право снимать деньги со счета своего отца. Мистер Ривенхолл ограничился кратким замечанием:

– Весьма необычно!

Но, пожалуй, он был скорее изумлен, нежели озадачен.

– «Банк Хоара» находится у ворот Темпл-Бар³¹, – добавил он. – Если у вас срочное дело, сегодня утром я еду в Сити и буду счастлив сопровождать вас.

– Благодарю! Надеюсь, у моей тети нет возражений, и я с радостью поеду с вами. Когда вы собираетесь отправляться?

– Когда вам будет удобно, кузина, – учтиво ответил он.

Подобная вежливость предвещала приятную поездку и внушила всегда склонной к оптимизму леди Омберсли надежду на то, что Чарльз проникся к кузине столь редкой для него приязнью. Его расположение весьма окрепло оттого, что она не заставила себя ждать, а Софи, в свою очередь, не могла совсем уж плохо думать о мужчине, владевшем прекрасной парой лошадей, запряженных в двуколку. Она устроилась рядом с ним на сиденье, а когда экипаж тронулся, на запятки вскочил грум; Софи, сама бывалая наездница, хранила одобрительное молчание, наблюдая за тем, как Чарльз ловко укрощал пыл своих застоявшихся лошадок. Решив приберечь окончательные выводы до тех пор, пока не увидит, как он управляет с парой или четверкой, она тем не менее преисполнилась уверенности в том, что он сможет оказать ей существенную помощь в деле покупки запряжных лошадей для собственного выезда. Немного помолчав, она поинтересовалась:

– Я должна купить себе экипаж, но не знаю, что предпочесть – двуколку или фэтон с высокой посадкой. Что бы вы порекомендовали, кузен?

– Ни то, ни другое, – ответил он, придерживая лошадей на особенно крутом повороте.

– Вот как! – удивилась Софи. – А что же мне тогда купить?

Он мельком взглянул на нее:

– Вы ведь говорите несерьезно, верно?

– Несерьезно? Совсем напротив, я серьезна как никогда!

– Если вам захочется прокатиться, я как-нибудь отвезу вас в Парк, – пообещал он. – Полагаю, что в конюшне найдется лошадь или даже две, достаточно спокойные, чтобы ими могла править леди.

– Нет, боюсь, это меня не устраивает! – отказалась Софи, качая головой.

– В самом деле? Почему нет?

– Я могу взбудоражить лошадь, – любезно ответила Софи.

На мгновение Чарльз растерялся, но потом рассмеялся и сказал:

³¹ Ворота, которые в течение нескольких веков стояли на западной границе лондонского Сити.

– Прошу прощения, у меня не было намерений оскорбить вас! Но в Лондоне экипаж вам не понадобится. Без сомнения, вы будете выезжать с моей матерью, а если вам понадобится съездить куда-либо по своим делам, вы всегда можете вызвать один из экипажей для личного пользования.

– Это, – сказала Софи, – очень любезно с вашей стороны, но меня решительно не устраивает. Где в Лондоне можно купить экипаж?

– Вы едва ли можете разъезжать по городу на двуколке! – сказал он. – И фаэтон с высокой посадкой я тоже не считаю подходящим для леди. Управлять им не так-то легко. Мне бы, например, не хотелось, чтобы кто-либо из моих сестер предпринял бы такую попытку.

– Не забудьте сказать им об этом, – учтиво откликнулась Софи. – Интересно, как они относятся к тому, что вы им велите? У меня никогда не было брата, поэтому мне трудно судить об этом.

В разговоре возникла неловкая, но короткая пауза, пока мистер Ривенхолл, не привыкший получать отпор, вновь обрел присутствие духа. Следует признать, он сделал это довольно быстро.

– Пожалуй, он бы вам не помешал, кухня! – раздраженно заявил он.

– Не думаю, – нимало не смутившись, ответила Софи. – То небольшое, что я успела узнать о братьях, заставляет меня лишь радоваться, что сэр Гораций не подарил мне ни одного.

– Большое спасибо! Полагаю, что знаю, как должен отнестись к вашим словам!

– Что ж, весьма вероятно, поскольку, несмотря на то что вы придерживаетесь многих устаревших представлений, я, в общем-то, не считаю вас *тупым*.

– Премного благодарен! У вас есть еще какие-либо критические замечания?

– Да. Не злитесь и не раздражайтесь, когда управляете норовистой парой лошадей! Последний поворот вы прошли слишком быстро.

Поскольку мистер Ривенхолл полагал себя кем-то вроде верха совершенства, то этот выпад не пробил его броню.

– Что вы за несносная девчонка! – гораздо дружелюбнее воскликнул он. – Довольно! Не можем же мы ссориться всю дорогу до Темпл-Бар! Давайте заключим перемирие!

– Как угодно, – любезно согласилась она. – Лучше поговорим о моем экипаже. Если я захочу купить лошадей, мне следует отправиться в «Таттерсолс»³²?

– Ни в коем случае!

– Дорогой кузен Чарльз, что вы хотите этим сказать – я неправильно произнесла его название или в Лондоне имеется лучшее место?

– Ни то ни другое. Я хочу сказать, что женщины не посещают «Таттерсолс»!

– Только и всего? Это еще один запрет для ваших сестер или мне тоже будет неуместно туда идти?

– Крайне неуместно!

– А если вы будете меня сопровождать?

– Я на это не соглашусь!

– И что же мне делать в таком случае? – растерянно спросила она. – Джон Поттон – превосходный грум, но я не доверю ему покупку лошадей для себя. Впрочем, я бы не доверила ее никому, за исключением разве что сэра Горация, который совершенно точно знает, что мне нравится.

Он понял, что она говорит совершенно искренне, а не с целью подразнить его, как подумал было вначале.

³² Лондонский аукцион чистокровных лошадей и специально отведенное место на ипподроме, где принимают ставки при игре на скачках. Назван в честь основателя аукциона лошадей в Лондоне Р. Таттерсола (1724–1795).

– Кузина, если вы твердо намерены сами править экипажем, я предоставлю в ваше распоряжение свое тильбюри³³ и даже подберу лошадь, которую можно будет запрячь в него.

– Вашу собственную? – уточнила Софи.

– Ни одна из моих лошадей вам не подойдет, – отрезал он.

– Ладно, забудьте! – сказала Софи. – Я предпочту обзавестись собственным фэзоном и упряжкой.

– Вы имеете хотя бы малейшее представление о том, сколько вам придется выложить за чистокровную пару, умеющую ходить в упряжке? – спросил он.

– Нет! Вот вы мне и скажите! Думаю, не больше трехсот или четырехсот фунтов?

– Сущий пустяк! И ваш отец, разумеется, нисколько не будет возражать против того, что вы выбросите три или четыре сотни фунтов за пару лошадей!

– Ничуть, разве что я позволю обвести себя вокруг пальца и куплю какую-нибудь выставочную лошадь с травмированными ногами или слишком сильно выбрасывающую копыта, отчего она начнет задыхаться уже к концу первой мили.

– В таком случае советую подождать, пока ваш отец не вернется в Лондон. Он, без сомнения, подберет вам то, что нужно! – только и смог сказать мистер Ривенхолл.

К его удивлению, Софи не стала спорить и промолчала, но почти сразу же потребовала, чтобы он сказал ей, как называется улица, по которой они ехали. О фэзоне и упряжке она больше не заговаривала, и мистер Ривенхолл счел, что она просто слишком избалована и иногда полезно вернуть ее с небес на землю. Стараясь смягчить впечатление от суровой отповеди, он обратил внимание девушки на местные достопримечательности, мимо которых они проезжали, и задал несколько вопросов о видах Португалии. Когда они подъехали к Темпл-Бар, он остановил двуколку возле узкого входа в «Банк Хоара» и непременно вошел бы с ней внутрь, если бы она не отказалась от его помощи, заявив, что ему лучше бы провести своих лошадей шагом, поскольку она не знает, надолго ли задержится, а на улице дует порывистый ветер. Итак, он остался ждать ее снаружи, решив, что, сколь бы непривычным ни выглядел визит молодой леди в банк, да еще и без сопровождения, ничего плохого там с ней не случится. Примерно двадцать минут спустя она появилась вновь в сопровождении одного из старших служащих, который галантно помог ей подняться в экипаж. Они вели себя так, словно их связывала давняя дружба, но на язвительный вопрос кузена, заданный им на обратном пути, она ответила, что видела этого человека впервые.

– Вы меня изумляете! – воскликнул мистер Ривенхолл. – А я#то думал, что он качал вас на коленях, когда вы были ребенком!

– Вряд ли, – в тон ему ответила Софи. – Во всяком случае, он об этом ни словом не обмолвился. А куда мы теперь направляемся?

Он сообщил ей, что у него есть кое-какие дела неподалеку от собора Святого Павла, добавив, что не задержит ее больше чем на пять минут. Если это был намек на то, сколько времени она провела в банке, то он не достиг цели, поскольку Софи учтиво ответила, что совсем не прочь подождать. Ее выпад оказался куда более успешным: мистер Ривенхолл начал склоняться к мысли, что в лице мисс Стэнтон-Лейси встретил достойного противника.

Когда он наконец остановил лошадей на улице неподалеку от собора Святого Павла, Софи протянула руку и сказала:

– Я подержу вожжи.

Он не стал возражать, хоть и не верил в то, что она способна справиться с его горячими лошадами, но грум уже держал их под уздцы, поэтому никаких неприятностей не предвиделось.

³³ Легкая открытая двухколесная карета. – *Примеч. ред.*

Софи посмотрела, как он вошел в высокое здание, и стянула с руки одну из своих бледно-лиловых лайковых перчаток. Дул довольно сильный восточный ветер – достаточно сильный для того, чтобы подхватить подброшенную вверх дамскую печатку и зашвырнуть ее в канаву на другой стороне улицы.

– Ой, моя перчатка! – воскликнула Софи. – Пожалуйста, поймайте ее, пока ветер не унес! О лошадях не беспокойтесь, я сумею с ними справиться!

Грум оказался в затруднительном положении. С одной стороны, хозяин прямо приказал ему не оставлять лошадей без присмотра, а с другой – кто-то должен спасти перчатку мисс Стэнтон-Лейси, а на улице было безлюдно. Судя по долетавшим до него обрывкам разговора, молодая леди знает, как управлять упряжкой, и этого будет достаточно, чтобы самостоятельно удержать лошадей хотя бы минуту. Тем более что они стояли совершенно спокойно. Грум прикоснулся к шляпе и бросился на другую сторону улицы.

– Передайте своему хозяину, что здесь слишком прохладно, чтобы заставлять лошадей стоять без движения! – крикнула ему вслед Софи. – Я прокачусь по соседним улицам и вернусь забрать его, когда он будет готов!

Грум, уже наклонившийся за перчаткой, развернулся так стремительно, что едва не упал. Он прекрасно видел, как управляющая экипажем мисс Стэнтон-Лейси быстро удаляется по дороге. Он предпринял отчаянную, но запоздалую попытку догнать ее, но коляска свернула за угол как раз в тот момент, когда ветер сорвал с его головы шляпу и покатиł ее вниз по мостовой.

Минуло почти полчаса, когда двуколка вновь появилась на горизонте. Мистер Ривенхолл, ожидавший ее появления со скрещенными на груди руками, получил прекрасную возможность лично убедиться, как безошибочно его кузина прошла поворот и как ловко она управляется с хлыстом и вожжами. Но, похоже, это зрелище не доставило ему ни малейшего удовольствия, поскольку он наблюдал за приближающимся экипажем нахмурившись и так сжав губы, что они превратились в тонкую линию. Грума нигде не было видно.

Мисс Стэнтон-Лейси, остановившись точно напротив него, жизнерадостно воскликнула:

– Прошу прощения, что заставила вас ждать! Дело в том, что я совсем не знаю Лондона и немножко заблудилась, поэтому мне пришлось трижды спрашивать дорогу. Но где же ваш грум?

– Я отправил его домой! – ответил мистер Ривенхолл.

Она взглянула на него сверху вниз, и в ее выразительных глазах заплескали лукавые искорки.

– Это очень благоразумно с вашей стороны! – одобрительно сказала она. – Мне нравится, когда всё предусматривают. Вы бы не смогли поссориться со мной *по-настоящему*, если бы этот человек стоял позади нас и слышал бы каждое слово.

– Как вы *посмели* взять моих лошадей? – громовым голосом спросил мистер Ривенхолл. Он сел на свое место и коротко бросил: – Немедленно дайте мне вожжи!

Она беспрекословно повиновалась, отдав ему и хлыст, и произнесла обезоруживающим тоном:

– Да, это было не очень вежливо с моей стороны, но, согласитесь, вы не должны были разговаривать со мной словно с глупой девчонкой, неспособной справиться с вьючным осликом.

Мистер Ривенхолл в ответ лишь плотнее сжал губы, и это свидетельствовало о том, что вряд ли он способен с чем-либо согласиться.

– Признайте, по крайней мере, что я могу управлять вашей упряжкой! – сказала Софи.

– Радуйтесь тому, что я поумерил их прыть! – гневно бросил он в ответ.

– Как это мелко с вашей стороны! – поддела его Софи.

Упрек и впрямь выглядел мелочным, и он это понимал, но все еще не мог успокоиться и выпалил:

– Вы ездили по Сити одна, и на запятках даже грума не было! Весьма достойное поведение, клянусь честью! Очень жаль, кузина, что правила приличия на вас не распространяются! Или в Португалии так принято?

– О нет! – ответила она. – В Лиссабоне, где меня знают, я, разумеется, не могу позволить себе подобные вольности. Ужасно, правда? Уверяю вас, все эти чопорные горожане тарасились на меня во все глаза! Но пусть вас это не смущает: в Лондоне меня никто не знает!

– Я несколько не сомневаюсь, – с сарказмом заметил он, – что *сэр Гораций* был бы в восторге от такого поведения!

– Нет, – сказала Софи, – скорее, сэр Гораций ожидал бы, что вы предложите мне хоть недолго править своей коляской, чтобы иметь возможность самому рассудить, в состоянии ли я справиться с парой ваших горячих лошадок, – любезно пояснила девушка.

– Я не позволяю никому – *никому* – управлять моими лошадьми!

– В целом, – согласилась Софи, – полагаю, вы правы. Просто удивительно, как быстро неуклюжая пара рук способна порвать мягкие лошадиные губы!

Мистер Ривенхолл заскрежетал зубами.

Софи вдруг рассмеялась.

– Прошу вас, не стоит сердиться, кузен! К тому же для этого нет никаких оснований! – попросила она. – Вы же сами видите, что лошади совершенно не пострадали! Так вы можете мне выбрать пару для себя?

– Я не желаю иметь ничего общего с этим безумным прожектом! – резко бросил он.

Софи даже бровью не повела.

– Очень хорошо, – сказала она. – Быть может, в таком случае вам не составит труда подыскать мне подходящего мужа? Я хочу выйти замуж, и, насколько мне известно, у вас имеется определенный талант в этой области.

– Неужели вы начисто лишены возвышенных мыслей и чувств? – едва сдерживая гнев, спросил мистер Ривенхолл.

– О да! Вы бы удивились, если бы узнали, насколько мне несвойственна возвышенность!

– Не сомневаюсь!

– Ведь *с вами*, мой дорогой кузен, – продолжала Софи, – мне ни к чему проявлять сдержанность. Умоляю, найдите мне подходящего супруга! У меня масса недостатков, поэтому в муже меня устроит минимальный набор добродетелей.

– Ничто, – заявил мистер Ривенхолл, сворачивая на Хеймаркет и демонстрируя кузине, как нужно вписываться в поворот с точностью до дюйма, – не доставит мне большего удовлетворения, чем выдать вас замуж за человека, который сумеет обуздать ваши безумные наклонности!

– Прекрасно сработано! – одобрительно отозвалась Софи. – Но что было бы, окажись на дороге бродячая собака или какой-нибудь бедолага, вздумавший перейти улицу в этот самый момент?

Чувство юмора выдало мистера Ривенхолла. С трудом сдерживая улыбку, он заметил:

– Просто диву даюсь, кузина, как вас до сих пор никто не придушил!

И тут он обнаружил, что кузина его не слушает. Она отвернулась, глядя куда-то в сторону, и прежде чем он сумел рассмотреть, что же так привлекло ее внимание, она быстро сказала:

– Остановитесь, прошу вас! Я только что увидела старого знакомого!

Он выполнил ее просьбу и только потом увидел – правда, слишком поздно, – кто идет навстречу по улице. Ошибиться, глядя на безупречную фигуру и золотистые кудри, выбивающиеся из-под изогнутых полей касторовой шляпы, было невозможно. Мистер Огастес Фэнхоуп, заметив, что какая-то леди в коляске машет ему рукой, остановился, сорвал с головы шляпу и, держа ее в руке, с интересом воззрился на Софи.

Он и впрямь был очень красивым молодым человеком. Выющиеся от природы волосы пышной волной обрамляли мраморно-белое чело. Ярко-синие глаза, в которых застыло мечтательное выражение, столь гармонично смотрелись под высокими изогнутыми бровями, что вызвали бы восхищение даже у самого предвзятого критика; его губы были очерчены столь изящно, что при виде их любой скульптор непременно схватился бы за резец. Он был среднего роста, прекрасного телосложения, и для того чтобы сохранить изумительную фигуру, ему не требовалась диета из картофеля, вымоченного в уксусе. Да ему бы это и в голову не пришло, поскольку особое очарование мистеру Фэнхоупу придавало то, что он вообще не обращал внимания на собственную внешность. Наверняка он не мог не сознавать, что вызывает у окружающих восхищение, но был целиком и полностью поглощен стремлением стать большим поэтом и почти не слушал того, что говорят ему, и полностью игнорировал то, что говорят о нем; поэтому даже самые злостные его недоброжелатели (такие как мистер Ривенхолл и сэр Чарльз Стюарт) вынуждены были признать, что восхищение окружающих еще не проникло сквозь мантию задумчивой рассеянности, в которую он облачился.

Но в его взоре, обращенном на мисс Стэнтон-Лейси, сквозила не только рассеянность, что не укрылось от мистера Ривенхолла, правильно истолковавшего неуверенную улыбку, появившуюся на губах мистера Фэнхоупа. Тот понятия не имел, что за леди столь дружески протягивает ему руку. Однако он принял ее и поздоровался меланхолически томным голосом.

– Брюссель, – пришла ему на помощь Софи. – Мы танцевали кадрили на балу у герцогини Ричмонд, помните? Да, кстати, вы знакомы с моим кузеном, мистером Ривенхоллом? Вы должны знать, что я остановилась у своей тети, на Беркли-сквер, и намерена провести у нее несколько месяцев. Вы непременно должны нанести нам визит: она будет в восторге!

– Разумеется, я помню вас! – сказал мистер Фэнхоуп, хорошее воспитание которого с легкостью позволило ему солгать. – Чрезвычайно рад новой и столь неожиданной встрече с вами, сударыня! Я обязательно доставлю себе удовольствие и загляну к вам на Беркли-сквер.

Поклонившись, он отступил назад. Лошади, которым передалось нетерпение мистера Ривенхолла, дружно рванули вперед. Сам же он не удержался и съязвил:

– Как вы, должно быть, рады тому, что встретили старого знакомого так скоро после своего приезда!

– Чудесно, не правда ли? – согласилась Софи.

– Надеюсь, он сумеет вспомнить, как вас зовут, прежде чем воспользуется вашим приглашением навестить вас.

Губы девушки дрогнули, но ответила она совершенно спокойно:

– Можете не сомневаться: если не вспомнит, ему кто-нибудь непременно подскажет.

– Вы ведете себя неприлично! – вспыхнул он.

– Вздор! Вы злитесь, потому что я прокатилась на ваших лошадях, – ответила она. – Не расстраивайтесь! Больше этого не повторится.

– Уж об этом я позабочусь! – резко ответил он. – Позвольте заметить вам, дражайшая кузина, что я был бы очень благодарен, если бы вы воздержались от вмешательства в дела моей семьи!

– Ага, понятно, – сказала Софи, – я очень рада это слышать. В будущем, если у меня возникнет желание сделать вам приятное, я буду знать, что именно от меня требуется. Впрочем, это маловероятно, но нужно быть готовым ко всему, вы не находите?

Он повернулся и взглянул на нее прищуренными глазами, выражение которых трудно было назвать дружелюбным.

– Неужели вы настолько неблагоприятны, что решили скрестить со мной шпаги? – спросил он. – Я не стану делать вид, будто не понял, что вы имеете в виду, кузина, и без обид скажу вам свое мнение на этот счет! Если вы воображаете, что я позволю этому щенку жениться на моей сестре, то глубоко заблуждаетесь, в чем непременно убедитесь, узнав меня лучше!

– Фи! – сказала Софи. – Лучше следите за лошадьми, Чарльз, а свои напыщенные речи приберегите для кого-нибудь другого.

Глава 5

– Для одного утра очень даже неплохо! – заметила Софи.

А вот мистер Ривенхолл был удовлетворен куда меньше. Его мать пришла в смятение, обнаружив, что, вместо того чтобы проникнуться симпатией к своей кузине, он с явным неудовольствием отнесся к тому, что она задержится у них на несколько месяцев.

– Скажу вам откровенно, сударыня, мне это решительно не нравится! – заявил он. – Одному Богу известно, когда вернется мой дядя! А мне остается лишь надеяться, что вам не придется пожалеть о том дне, когда вы согласились принять опеку над его дочерью! Чем скорее вы сможете удовлетворить прочие его ожидания и выдать ее замуж за какого-нибудь беднягу, тем лучше будет для всех нас!

– Господи помилуй, Чарльз! – пролепетала леди Омберсли. – Чем же она так тебя разозлила?

Он отказался отвечать на этот вопрос, заявив, что Софи – наглая, упрямая и дурно воспитанная молодая особа и что он сомневается в том, будто найдется идиот, который согласится сделать ей предложение. Его мать воздержалась от расспросов о том, какие еще недостатки и прегрешения он обнаружил в своей кузине, но воспользовалась моментом, чтобы предложить устроить вечерний раут с танцами в качестве первого шага в поисках супруга для Софи.

– Я ни в коем случае не намерена устраивать что-то грандиозное, – поспешно добавила она. – Возможно, пар десять или около того в гостиной!

– Сделайте одолжение! – ответил он. – Это избавит вас от необходимости приглашать молодого Фэнхоупа!

– О, естественно! – согласилась миледи.

– Должен предупредить вас, мама, – сказал Чарльз, – что сегодня утром мы его встретили! Моя кузина приветствовала его как давнего доброго знакомого и даже пригласила навестить ее здесь!

– О Боже! – вздохнула леди Омберсли. – Какое несчастье, право слово! Но, Чарльз, осмелюсь предположить, она действительно знакома с ним, потому что в прошлом году она жила в Брюсселе вместе с твоим дядей.

– Она! – гневно вскричал Чарльз. – Да он не отличил бы ее от китайского императора! Зато сюда явится непременно! Предоставляю разобраться с *этим* вам, сударыня!

Произнеся эти крайне несправедливые слова, он быстрым шагом вышел из комнаты матери, оставив ее в полном недоумении относительно того, каким образом, по его мнению, она должна разобраться с утренним визитом молодого человека безупречного происхождения, к тому же сына ее старинной подруги. Миледи пришла к выводу, что он и сам этого не знает, а потому запретила себе об этом думать, сосредоточившись на куда более приятной задаче – выборе гостей для званого вечера, который она намеревалась устроить через два месяца.

От этого занятия ее отвлекло появление племянницы. Вспомнив мрачные и неприятные слова Чарльза, миледи, постаравшись принять строгий вид, поинтересовалась у Софи, чем она так его рассердила. В ответ Софи только рассмеялась и ошеломила свою тетю, заявив, что не сделала ровным счетом ничего особенного, разве что угнала его коляску и полчаса каталась на ней по Сити.

– Софи! – ахнула ее светлость. – Чалых лошадей Чарльза? Да как ты смогла удерживать их?

– По правде говоря, – призналась Софи, – мне было чертовски трудно управлять ими! Ох, прошу прощения! Я не должна была так говорить, моя милая тетя Лиззи!

Ну же, не хмурьтесь! Это все влияние сэра Горация: иногда я говорю ужасные вещи, но, поверьте, я пытаюсь сдерживать свой окаянный язычок! Нет-нет, не тревожьтесь и о любимцах Чарльза! Скоро он успокоится и смирится. Осмелюсь предположить, что если бы он не решил жениться на этой унылой девице, то не стал бы таким сварливым и раздражительным!

– Ох, Софи! – невольно вздохнула леди Омберсли. – Признаюсь тебе по секрету, что я так и не смогла полюбить мисс Рекстон, как ни старалась!

– Полюбить ее! Это решительно невозможно! – воскликнула Софи.

– Да, но я должна это сделать, – горестно промолвила леди Омберсли. – Она такая примерная и добропорядочная девушка, и я уверена, что она хочет стать мне послушной дочерью, поэтому с моей стороны очень дурно не желать такой почтительной невестки! Но стоит мне представить, как совсем скоро она будет жить в этом доме... Нет, я не должна так говорить! Это крайне непорядочно, и ты должна забыть о том, что я тебе сказала! Пожалуйста, Софи!

Софи пропустила ее слова мимо ушей и воскликнула:

– Жить в этом доме! Вы, должно быть, шутите, сударыня!

Леди Омберсли кивнула.

– Видишь ли, моя милая, в этом нет ничего необычного. У них будут собственные апартаменты, разумеется, но... – Она оборвала себя на полуслове и тяжело вздохнула.

Софи несколько мгновений пристально смотрела на нее, но, к большому удивлению тети, ничего не сказала. Леди Омберсли попыталась отогнать от себя неприятные мысли и заговорила о приеме, который собиралась устроить. Племянница присоединилась к обсуждению ее планов с энтузиазмом и рассудительностью, которые повергли миледи в изумление. Впоследствии она так и не смогла объяснить ни себе, ни Чарльзу, как получилось, что она во всем согласилась с Софи, но по окончании весьма продолжительной дискуссии, которая не только потрясла миледи, но и оставила у нее твердое убеждение, что такую заботливую и милую племянницу, как Софи, еще поискать, она с чистой совестью доверила Софи и Сесилии заниматься всеми приготовлениями, равно как и смирилась с тем, что сэр Гораций (посредством дочери) возьмет на себя все расходы по организации сего мероприятия.

– А теперь, – жизнерадостно заявила Софи Сесилии, – ты подскажешь мне, где мы можем заказать пригласительные билеты и куда вы обычно обращаетесь за легкими закусками и напитками. Не думаю, что их приготовление стоит доверять повару тети, иначе он будет настолько занят, что у него не останется времени ни на что другое, а это причинит всем нешуточные неудобства, чего бы мне ни в коем случае не хотелось.

Сесилия смотрела на нее круглыми от изумления глазами.

– Но, Софи, мама сказала, что это будет скромный маленький прием!

– Нет, Сеси, это сказал твой брат, – возразила Софи. – Прием же, напротив, будет очень большим.

Селина, которая также принимала участие в совещании, прозорливо поинтересовалась:

– А мама знает об этом?

Софи звонко рассмеялась.

– Еще нет! – призналась она. – Вы думаете, что она испытывает предубеждение против больших приемов?

– О нет, что вы! На бал, который она давала в честь Марии, были приглашены более четырехсот гостей, верно, Сесилия? Он маме очень понравился, поскольку увенчался грандиозным успехом, с которым все ее поздравляли. Так, во всяком случае, говорила мне кузина Матильда.

– Да, но сколько это будет стоить? – задумалась Сесилия. – Она не осмелится! Чарльз ужасно разозлится!

– На этот счет можете не беспокоиться! – успокоила сестер Софи. – Расходы возьмет на себя сэр Гораций, а не Чарльз. Составь список всех своих друзей, Сеси, я добавлю к нему своих знакомых, которые сейчас находятся в Англии, а потом мы с тобой пойдем и закажем пригласительные билеты. По моим расчетам, более пятисот штук нам не понадобится.

– Софи, – слабым голосом пробормотала Сесилия, – мы что, собираемся разослать *пять сотен* пригласительных билетов и даже *не скажем об этом* маме?

В глазах кузины заплясали лукавые огоньки.

– Конечно же скажем, глупенькая! Но только после того, как разошлем пригласительные, и даже твой ужасный брат не сможет отозвать их обратно!

– Ой, как славно! – вскричала Селина и затанцевала по комнате. – Он будет *в ярости*!

– Не могу поверить, что это происходит на самом деле! – выдохнула Сесилия, вся дрожа от испуга и восторга.

Сестра постаралась приободрить ее, но положение спасла Софи, заявив, что Сесилии не придется нести никакой ответственности, ей не грозит неудовольствие брата и какие-либо упреки с его стороны, поскольку он будет совершенно точно знать, кто во всем виноват.

А мистер Ривенхолл тем временем отправился в гости к своей невесте. В мрачный и какой-то безжизненный дом Бринклоу на Брук-стрит он прибыл, все еще кипя от негодования. Впрочем, будучи по натуре человеком упрямым, он, едва услышав, что невеста разделяет его неприязнь к кухне, резко переменяет свое мнение и заявил, что девушке, способной так ловко управляться с его чалыми, как это сделала Софи, можно простить многое. Из особы, заслуживающей самого сурового порицая, Софи быстро превратилась в незаурядную молодую женщину, чья непосредственность стала глотком свежего воздуха в эпоху жеманства и чванства.

Его рассуждения пришлось не по нраву мисс Рекстон. Ездить по городу одной, без сопровождения, представлялось ей верхом неприличия, о чем она тут же не преминула заявить вслух. Но Чарльз лишь улыбнулся в ответ.

– Нет, ты права, конечно, но, полагаю, в случившемся есть доля моей вины: я действительно разозлил ее. Ничего особенно страшного не случилось: если уж она способна справиться с моими резвыми и норовистыми лошадьми, значит, она прекрасная наездница. Тем не менее, если это будет зависеть от меня, она не обзаведется своим экипажем, пока остается под опекой моей матери. Господи помилуй, тогда мы просто не будем знать, где она и что с ней, ведь, насколько я успел узнать свою несносную кузину Софи, мирное катание по Парку ее никак не устроит!

– Ты говоришь это со спокойствием и самообладанием, которые делают тебе честь, мой дорогой Чарльз.

– Увы! – перебил он ее и удрученно рассмеялся. – Она довела меня до белого каления!

– В этом нет ничего удивительного. Взять коляску джентльмена, не спросив на то его разрешения – свидетельство поведения, которое иначе как неприличным и назвать нельзя. Даже я ни разу не попросила тебя передать мне вожжи!

На лице Чарльза отразилось веселое изумление.

– Моя дорогая Евгения, надеюсь, до этого никогда не дойдет, потому что я отвечу тебе отказом! Тебе ни за что не справиться с моими лошадьми.

Не будь мисс Рекстон так хорошо воспитана, подобное бестактное замечание вызвало бы гневный отпор с ее стороны, поскольку она считала себя неплохой наездницей; и хотя в Лондоне она никогда не выезжала одна, ей принадлежал элегантный фаэтон, в котором она каталась, когда бывала в родовом поместье в Гемпшире. В любом случае она сочла себя обязанной выдержать небольшую паузу, прежде чем продолжить разговор. Во время

этого краткого перерыва она решила показать Чарльзу и его противной кузине, что леди, воспитанная в строгих правилах приличия, может быть ничуть не менее выдающейся наездницей, чем вульгарная молодая особа, с ранней юности шатавшаяся по континенту. Мисс Рекстон несколько раз достаивалась комплиментов по поводу своего умения ездить верхом и знала, что безупречно держится в седле. Она сказала:

– Если мисс Стэнтон-Лейси интересуют подобные вещи, то, быть может, она согласится как-нибудь покататься со мной в Парке. Это может заставить ее задуматься и все-таки отказаться от глупого намерения обзавестись собственным выездом. Давай поедем вместе, дорогой Чарльз! Я знаю, что милая Сесилия не расположена к подобным упражнениям, иначе я пригласила бы ее присоединиться к нам. Но Альфред с удовольствием составит мне компанию, а ты возьми с собой кузину. Скажем, завтра? Пожалуйста, уговори ее поехать с нами!

Мистер Ривенхолл был человеком нетерпимым и не питал особой симпатии к младшему брату своей Евгении, стараясь по возможности избегать его общества, но благородство мисс Рекстон поразило его в самое сердце. Еще бы, она предложила прогулку, которая, как он знал совершенно точно, не доставит ей удовольствия, и потому сразу же согласился с ее предложением и рассыпался в благодарностях. Она улыбнулась и сказала, что теперь у нее нет других устремлений, кроме как во всем помогать ему. Чарльз по своей природе не был склонен к театральным жестам, но сейчас он поцеловал ей руку и выразил горячую убежденность в том, что может всецело полагаться на нее в любой затруднительной ситуации. Мисс Рекстон повторила свои слова, недавно сказанные леди Омберсли: дескать, она очень сожалеет, что обстоятельства вынудили ее отложить свой союз с ним, особенно учитывая нынешнее непростое положение семейства Омберсли. Она склонялась к мысли о том, что при-скорбное состояние здоровья леди Омберсли не позволяет ей управлять домом так, как того хотел бы Чарльз. Пожалуй, доброе сердце миледи сделало ее чересчур терпимой, а усталость и апатия, вызванные недомоганием, заставляют ее закрывать глаза на пороки, кои легко сможет исправить любящая невестка. Мисс Рекстон призналась, что очень удивилась согла-сию леди Омберсли взять на себя ответственность за дочь своего брата – очень странного и своеобразного человека, по словам ее отца, – к тому же на неопределенное время. После этого она искусно перевела разговор на мисс Аддербери и мягко раскритиковала эту, без-условно, во всех отношениях замечательную женщину, которой, увы, недостает хороших манер и строгости, дабы установить строгий надзор над своими излишне предприимчивыми подопечными. Но тут она допустила ошибку: мистер Ривенхолл не пожелал выслушивать критику в адрес Адди, которая направляла его первые шаги на жизненной стезе; что же каса-ется его дяди, то пренебрежительное замечание лорда Бринкклоу моментально заставило его ошетиниться и встать на защиту родственника.

– Сэр Гораций, – сообщил он мисс Рекстон, – человек выдающихся достоинств и насто-ящий гений дипломатии.

– Но в том, что касается воспитания собственной дочери, он проявил себя далеко не лучшим образом! – насмешливо заметила мисс Рекстон.

Он рассмеялся и сказал:

– Ладно! В конце концов, я не думаю, что Софи доставит нам серьезные неприятности!

Когда приглашение мисс Рекстон было передано Софи, та с восторгом приняла его, велев мисс Джейн Сторридж тщательно отутюжить платье для верховой езды. Этот наряд, когда она появилась в нем на следующий день, вызвал жгучую зависть у Сесилии и изрядно поразил ее брата, который не мог даже надеяться, что бледно-голубой костюм с эполетами и аксельбантами а#ля гусар и рукавами, до локтя украшенными тесьмой, придется по вкусу мисс Рекстон. Довершали ослепительный туалет перчатки из голубой лайки, полусапожки, стоячий воротник, отороченный кружевами, муслиновый шейный платок и шляпа с высокой

тулей, похожая на кивер, с длинным козырьком и плюмажем из страусовых перьев. Облегающая амазонка подчеркивала все достоинства роскошной фигуры Софи, а из-под полей ее шляпы очаровательно выбивались блестящие каштановые кудри; но мистер Ривенхолл, когда сестра потребовала подтвердить ее уверенность в том, что Софи выглядит великолепно, лишь поклонился и ответил, что не может быть судьей в подобных вопросах.

Как бы там ни было, в лошадях он разбирался превосходно и, увидев Саламанку, которого вверх и вниз по дороге выгуливал Джон Поттон, не смог скрыть своего восхищения и добавил, что вполне разделяет восторги Хьюберта. Верный грум посадил свою хозяйку в седло, и Софи, позволив коню немного порезвиться, заставила его мелким шагом подойти вплотную к гнедой кобыле мистера Ривенхолла, после чего они степенно направились в Гайд-парк. Наличие портшезов, собак и подметальщиков улиц вызвало у Саламанки недовольство, а рожок почтальона и вовсе поверг его в негодование, но мистер Ривенхолл, привыкший быть начеку во избежание всевозможных недоразумений во время конных прогулок с Сесилией по улицам Лондона, оказался достаточно умен, чтобы воздержаться от комментариев и советов кузине. Она и сама прекрасно управлялась со своим скакуном, что, по мнению мистера Ривенхолла, было весьма кстати, поскольку Саламанку никак нельзя было назвать идеальной лошадей для леди.

Но от этого замечания не удержалась мисс Рекстон, вместе с братом поджидающая их у ворот Парка. Окинув взглядом костюм Софи, мисс Рекстон перевела взгляд на Саламанку и сказала:

– О, какое замечательное создание! Но ведь он наверняка чересчур горяч для вас, мисс Стэнтон-Лейси? Вам следовало бы попросить Чарльза подобрать вам выдрессированную дамскую лошадь.

– Полагаю, он был бы счастлив это сделать, но я обнаружила, что наши с ним взгляды по *этому вопросу* диаметрально противоположны, – ответила Софи. – Более того, хотя Саламанка и впрямь чуточку горяч, в нем нет ни капли злобы, и у него, как выразился герцог, очень крепкая спина – он способен нести меня на себе долгие лиги, не проявляя усталости! – Она наклонилась вперед и ласково потрепала Саламанку по лоснящейся черной шее. – Да, он не лягается в конце долгого дня, что, как уверяет герцог, проделал его Копенгаген³⁴, когда всадник спешил после битвы при Ватерлоо, но я склонна считать это достоинством!

– В самом деле! – сказала мисс Рекстон, проигнорировав неподобающую претенциозность при столь небрежном упоминании национального героя. – Позвольте представить вам моего брата, мисс Стэнтон-Лейси. Альфред!

Мистер Рекстон, бледный молодой человек со скошенным подбородком, влажными вялыми губами и сальным взглядом знатока жизни, поклонился и заявил, что счастлив познакомиться с мисс Стэнтон-Лейси. Затем он поинтересовался, находилась ли она в Брюсселе во время великой битвы, и добавил, что одно время и сам собирался пойти добровольцем в армию в разгар кризиса.

– Но по разным причинам из этого ничего не вышло, – заключил он. – Вы хорошо знаете герцога? Великий человек, не правда ли? Но при этом, как мне говорили, учтивый и обходительный. Осмелюсь предположить, что вы с ним на короткой ноге, раз знакомы еще с Испании, не так ли?

– Мой дорогой Альфред, – сочла нужным вмешаться его сестра, – мисс Стэнтон-Лейси решит, что ты начисто лишен здравого смысла, если и дальше будешь нести подобную чепуху. Она ответит тебе, что у герцога хватает куда более важных забот, чем думать о нас, бедных женщинах, которые так им восхищаются.

³⁴ Жеребец чистокровной верховой породы, принадлежавший Артуру Уэлсли, герцогу Веллингтону. Он был широко известен по всей Англии своим легко возбудимым нравом и привычкой лягаться.

На лице Софи отразилось неприкрытое изумление.

– Нет, я бы так не сказала, – ответила она. – Но лично я никогда не была одной из его любовниц, если вы это имеете в виду, мисс Рекстон. Я совсем не в его вкусе, уверяю вас.

– Быть может, пора ехать? – предложила мисс Рекстон. – Вы должны рассказать мне о своем коне. Он испанских кровей? Очень красивый, но чересчур нервный, на мой взгляд. Однако в этом вопросе я избалована: моя собственная Доркас обладает прекрасными манерами.

– На самом деле Саламанка не нервный, а игривый, – ответила Софи. – Что до манер, то я считаю, что он не имеет себе равных. Хотите, я покажу вам, что он умеет? Смотрите! Его дрессировали мамелюки, чтоб вы знали!

– Ради Бога, Софи, только не в Парке! – резко бросил Чарльз.

Она одарила его кокетливой улыбкой и пустила Саламанку гарцевать.

– Умоляю вас, осторожнее! – вскричала мисс Рекстон. – Это очень опасно! Чарльз, останови ее! Иначе сейчас мы станем центром всеобщего внимания, и отнюдь не доброжелательного!

– Вы же не будете возражать, если я сниму с него нервное возбуждение? – крикнула Софи. – Он так и хочет сорваться в галоп!

С этими словами она развернула Саламанку и пустила его вскачь по обочине дороги, где катили экипажи.

– Но! – завопил мистер Рекстон и понесся вдогонку за Софи.

– И что прикажешь с ней делать, мой дорогой Чарльз? – осведомилась мисс Рекстон. – Носится галопом по Парку, да еще в таком наряде, надеть который я бы постеснялась! Еще ни разу в жизни я не была так поражена!

– Да, – согласился он, не сводя взгляда с уменьшающейся фигурки вдалеке. – Но, клянусь Богом, она умеет ездить верхом!

– Разумеется, если ты намерен поощрять ее в столь безумных выходках, то говорить более не о чем.

– Не намерен, – коротко ответил он.

Она была явно разочарована и холодно отметила:

– Должна признаться, я не одобряю ее стиль: она напоминает мне цирковых наездниц из «Амфитеатра Этли»³⁵. Поедем?

Они тронулись с места легким галопом и вскоре увидели возвращавшуюся Софи, которую по-прежнему преследовал мистер Рекстон. Софи натянула поводья, развернула Саламанку и поехала рядом с кузеном. Щеки у девушки покраснелись, и она воскликнула:

– Я получила огромное удовольствие! Я не ездила на Саламанке больше недели. Но скажите, разве я поступила дурно? На меня глядели столько угрюмых личностей, причем с таким видом, словно не могли поверить своим глазам!

– В Парке нельзя носиться с такой головокружительной скоростью! – ответил Чарльз. – Мне следовало предостеречь вас.

– Неужели? Этого я и боялась. Но теперь вы можете не волноваться! Я буду вести себя примерно, а если кто-нибудь заговорит с вами об этом, то скажите, что я просто бедная маленькая кузина из Португалии, которая так дурно воспитана, что с этим ничего не поделаешь. – Она наклонилась к шее Саламанки, чтобы заговорить с мисс Рекстон. – Молю о помощи, мисс Рекстон! Вы же наездница. Согласитесь, это невыносимо – ехать шагом, когда вам так и хочется скакать галопом!

– Это очень утомительно, – согласилась мисс Рекстон.

В этот момент к ним присоединился Альфред с криком:

³⁵ Первый европейский цирк, основанный в 1777 году. – *Примеч. ред.*

– Ей-богу, мисс Стэнтон-Лейси, вы всех здесь затмите! А ты ей и в подметки не годишься, Евгения!

– Мы не можем ехать вчетвером в ряд, – сказала мисс Рекстон, пропустив его слова мимо ушей. – Чарльз, поезжай сзади вместе с Альфредом! Я не могу разговаривать с мисс Стэнтон-Лейси через твою голову.

Он повиновался, и мисс Рекстон, пришпорив свою кобылу, поравнялась с Саламанкой и заявила с присущим ей тактом, которым так гордилась:

– Я уверена, что наши лондонские обычаи кажутся вам странными.

– Вовсе нет. Они ничем не отличаются от парижских, венских и даже лиссабонских! – ответила Софи.

– Я никогда не бывала в этих городах, но полагаю – нет, я убеждена, – что Лондон намного их превосходит, – заявила мисс Рекстон.

Спокойная уверенность, с которой она произнесла эти слова, настолько поразила Софи, что она не выдержала и рассмеялась.

– Ох, прошу прощения! – вытирая слезы, сказала она. – Как это смешно и нелепо!

– Вполне возможно, у вас действительно сложилось такое впечатление, – невозмутимо согласилась мисс Рекстон. – Мне представляется, что на континенте женщинам позволительны всякие вольности. Но здесь это не так. Пожалуй, совсем наоборот! Нет ничего хуже, чем прослыть дурно воспитанной особой. И я намерена дать вам один совет. Вы наверняка пожелаете побывать в «Олмаксе», например. Будьте уверены, если ушей патронессы достигнет хотя бы малейший намек на критику в ваш адрес, вы можете распрощаться с надеждой получить приглашение. А билет без приглашения приобрести невозможно. Это закрытый клуб! Правила там тоже очень строги, и нарушать их ни в коем случае нельзя.

– Вы меня пугаете, – сказала Софи. – Полагаете, я могу подвергнуться остракизму?

Мисс Рекстон улыбнулась.

– Едва ли, поскольку ваш дебют состоится под покровительством леди Омберсли! Она, без сомнения, расскажет, как следует себя вести, если состояние здоровья позволит ей сопровождать вас. К несчастью, обстоятельства помешали мне занять положение, которое позволило бы избавить ее от подобных обязанностей.

– Простите меня! – перебила ее Софи, рассеянно внимавшая наставлениям мисс Рекстон. – Кажется, мне машет леди Ливен, так что с моей стороны будет крайне невежливо не заметить ее!

С этими словами она пришпорила Саламанку и направилась к тому месту, где на обочине остановилась четырехместная коляска. Наклонившись, она пожала вялую руку, протянутую ей в знак приветствия.

– Софи! – воскликнула графиня. – Сэр Гораций уверял меня, что я непременно встречу вас здесь. Вы мчались галопом *ventre a terre*³⁶; никогда больше так не делайте! Ах, миссис Баррел, позвольте представить вам мисс Стэнтон-Лейси!

Леди, сидевшая рядом с супругой посла, кивнула и позволила своим губам сложиться в едва заметную улыбку, которая стала чуть шире, когда дама заметила мисс Рекстон, подъехавшую к коляске вслед за Софи, и миссис Баррел даже наклонила голову, что было признаком величайшего снисхождения.

Графиня приветствовала мисс Рекстон кивком, но продолжала говорить, обращаясь только к Софи.

– Вы остановились у леди Омберсли. Я немного знакома с ней и непременно загляну в гости. Пожалуй, на один вечер она уступит вас мне. Вы еще не видели княжну Эстерхази

³⁶ Очень быстро, во весь опор (*фр.*).

или леди Джерси³⁷? Я скажу им, что встретила вас, и они наверняка захотят узнать, как поживает сэр Гораций. Но что же я сама ему обещала? Ах да, разумеется! «Олмакс»! Я пришло вам приглашение, моя дорогая Софи, но больше не скачите галопом в Гайд-парке. — Она подала знак кучеру трогать, на прощание одарила Софи и ее спутников легкой улыбкой и отвернулась, продолжив прерванную беседу с миссис Драммонд Баррел.

— Я и не подозревала, что вы знакомы с графиней Ливен, — заметила мисс Рекстон.

— Она вам не нравится? — осведомилась Софи, уловив в ее голосе холодные нотки неодобрения. — Впрочем, как и многим другим. Сэр Гораций называет ее великой *intrigante*³⁸, но она умна и может быть очень забавной. Она к нему равнодушна, как вы, должно быть, уже догадались. Мне лично больше по душе принцесса Эстерхази, а леди Джерси я люблю сильнее их обеих, поскольку она очень искренна, несмотря на свою беспокойную и неугомонную натуру.

— Кошмарная женщина! — высказался Чарльз. — Она говорит без умолку! В Лондоне ее зовут Немая.

— В самом деле? Думаю, даже зная об этом, она не придаст подобным вещам никакого значения, поскольку обожает шутки и розыгрыши.

— Вам повезло, что вы знаете столько патронесс «Олмакса», — заметила мисс Рекстон.

Софи рассмеялась своим заразительным серебристым смехом.

— Откровенно говоря, мне, скорее, повезло в том, что мой отец — знатный повеса!

Мистер Рекстон сдавленно захихикал, а его сестра, чуть отстав, поравнялась с мистером Ривенхоллом, подъехав к нему на своей кобыле с другой стороны, и негромко сказала, пользуясь тем, что ее брат принялся рассказывать Софи какую-то смешную историю:

— Очень жаль, что мужчины смеются, когда чрезмерная живость характера вынуждает ее говорить совершенно неподобающие вещи. Она слишком обращает на себя внимание, и в этом, на мой взгляд, кроется корень всех зол.

Он выразительно приподнял брови.

— Как ты строга к ней, однако! Она тебе не нравится?

— О, нет-нет! — быстро сказала мисс Рекстон. — Просто мне не по душе такая распутная игривость.

Казалось, он хотел добавить что-то еще, но в это время впереди показалась внушительная кавалькада блестящих офицеров, неспешно направляющаяся к ним. Она состояла из четырех джентльменов, чьи великолепные бакенбарды и безупречная выправка недвусмысленно свидетельствовали о роде их занятий. Они окинули мистера Ривенхолла и его спутников небрежными взглядами. В следующий миг прозвучал чей-то восторженный крик, офицеры натянули поводья, и один из четверки воскликнул с характерным выговором:

— Черт возьми, да это же Великолепная Софи!

Вслед за этим последовали бессвязные возгласы и суматоха, и четверо джентльменов окружили Софи, стремясь пожать ей руку и забрасывая ее вопросами. Откуда она взялась? Давно ли прибыла в Англию? Почему она не сообщила им о своем приезде? Как поживает сэр Гораций?

— О, Софи, вы просто отрада для моих глаз! — воскликнул майор Квинтон, который первым заметил девушку.

³⁷ Леди Джерси — Сара София Фейн (1785–1867), старшая дочь графа Уэстморленда, ставшая леди Джерси после того, как вышла замуж за виконта Джорджа Чайльда Вильерса, графа Джерси. Салон леди Сары Джерси в 1810–1840-х годах был одним из самых модных в столице Великобритании. По словам Байрона, очаровательная хозяйка салона, законодательница мод Лондона, была «самым настоящим тираном, который когда-либо правил модными шутами и заставлял их трясти своими шутовскими колпаками с колокольчиками».

³⁸ Интриганка (*фр.*).

– Саламанка по-прежнему с вами! Боже мой, а помните, как вы неслись на нем по Пиренеям, когда вас едва не поймал старый Соулт?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.